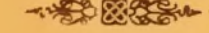
Изданіе книжнаго магазина «НАША ЖИЗНЬ», Литейный, 32.

Г. В. Плехановъ.

Основные вопросы марксизма.

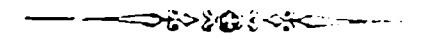

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акціонернаго Общества „Слово“. Улица Жуковскаго, № 21.
1908.

Изданіе книжнаго магазина «НАША ЖИЗНЬ», Литейный, 32.

Г. В. Плехановъ.

Основные вопросы марксизма.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акціонернаго Общества „Слово“. Улица Жуковскаго, № 21.
1908.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МАРКСИЗМА

Основные вопросы марксизма.

Марксизмъ, это—цѣлое міросозерцаніе. Выражаясь кратко, это—современный матеріализмъ, представляющій собою высшую въ настоящее время ступень развитія того взгляда на міръ, основы котораго были заложены еще въ древней Греціи Демокритомъ, а отчасти и предшествовавшими Демокриту іонійскими мыслителями: такъ называемый гилозоизмъ есть не что иное, какъ наивный матеріализмъ Самая главная заслуга въ разработкѣ современнаго матеріализма принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Карлу Марксу и его другу Фридриху Энгельсу. Историческая и экономическая стороны этого міросозерцанія,—т. е. такъ называемый историческій матеріализмъ и тѣсно связанная съ нимъ совокупность взглядовъ на задачи, методъ и категоріи политической экономіи и на экономическое развитіе общества, въ особенности же капиталистическаго, являются въ своихъ основаніяхъ почти исключительно дѣломъ Маркса и Энгельса. То, что внесено было въ эти области ихъ предшественниками, должно быть разсматриваемо лишь какъ подготовительная работа собиранія матеріала, под-

часъ обильнаго и драгоцѣннаго, но еще не систематизированнаго, не освѣщеннаго одной общей мыслью и потому не оцѣненнаго и не использованнаго въ своемъ истинномъ значеніи. То, что сдѣлано было въ тѣхъ же областяхъ послѣдователями Маркса и Энгельса въ Европѣ и Америкѣ, представляетъ собою лишь болѣе или менѣе удачную разработку отдѣльныхъ, правда, иногда въ высшей степени важныхъ вопросовъ. Вотъ почему не только въ „широкой публикѣ“, до сихъ поръ никогда еще не дороставшей до глубокаго пониманія философскихъ ученій, но даже и въ средѣ людей, считающихъ себя вѣрными послѣдователями Маркса и Энгельса, и при томъ, не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ,— терминомъ „марксизмъ“ часто обозначаются именно только двѣ только что указанныя нами стороны современнаго матеріалистическаго міросозерцанія. Эти двѣ его стороны разсматриваются въ такомъ случаѣ, какъ нѣчто совершенно независимое отъ „философскаго матеріализма“ и чуть-ли не противоположное ему. А такъ какъ эти двѣ стороны, произвольно вырванныя изъ общей совокупности родственныхъ имъ и составляющихъ ихъ теоретическое основаніе взглядовъ, не могутъ же висѣть въ воздухѣ, то у людей, совершившихъ надъ ними операцію вырыванія, естественно возникаетъ потребность заново „обосновать марксизмъ“, соединивъ его,—опять-таки совершенно произвольно и чаще всего подъ вліяніемъ философскихъ настроеній, господствующихъ въ данное время между идеологами буржуазіи,—съ тѣмъ или другимъ философомъ: съ Кантомъ, съ Махомъ, съ Авенаріусомъ, съ Оствальдомъ, а въ послѣднее время съ Іосифомъ Дицгеномъ. Философскіе взгляды I. Дицгена возникли, правда, вполнѣ

независимо отъ буржуазныхъ вліяній и въ значительной степени родственны философскимъ воззрѣніямъ Маркса—Энгельса. Но эти послѣднія обладаютъ несравненно болѣе стройнымъ и богатымъ содержаніемъ и уже по одному этому не могутъ быть дополнены,— а могутъ быть, пожалуй, отчасти популяризованы, — съ помощью ученія Дицгена. До сихъ поръ не было сдѣлано попытки „дополнить Маркса" Ѳомою Аквинскимъ. Но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что не смотря на недавнюю энциклику папы противъ модернистовъ, католическій міръ выдвинетъ когда-нибудь изъ своей среды мыслителя, способнаго на этотъ теоретическій подвигъ.

I.

Необходимость „дополненія" марксизма тѣмъ или другимъ философомъ доказывается обыкновенно ссылкою на то, что Марксъ и Энгельсъ нигдѣ не изложили своихъ философскихъ воззрѣній. Но такая ссылка мало убѣдительна. Не говоря уже о томъ, что если бы эти возрѣнія и въ самомъ дѣлѣ остались совершенно неизложенными, то это еще не давало бы никакого логическаго основанія для замѣны ихъ взглядами перваго встрѣчнаго мыслителя, по большей части стоящаго на совершенно другой точкѣ зрѣнія, нужно помнить, что мы имѣемъ достаточно литературныхъ данныхъ для составленія себѣ правильнаго понятія о философскихъ взглядахъ Маркса—Энгельса [1]).

Взгляды эти были,—въ своемъ окончательно

[1]) Философіи Маркса—Энгельса посвящена работа г. Вл. Верыго: Marx als Philosoph Bern und Leipzig 1904. Но трудно вообразить себѣ что-либо менѣе удовлетворительное.

сложившемся видѣ,—изложены довольно полно, хотя и въ полемической формѣ, въ первой части книги Энгельса „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“ (есть нѣсколько русскихъ переводовъ). Въ замѣчательной брошюрѣ того же автора „Ludvig Feuerbach und der Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie“ (переведена нами на русскій языкъ и снабжена предисловіемъ и пояснительными примѣчаніями; издана г. Львовичемъ) взгляды, составляющіе философскую основу марксизма, изложены уже въ положительной формѣ. Краткую, но яркую характеристику тѣхъ же взглядовъ, въ ихъ отношеніи къ агностицизму, Энгельсъ далъ въ предисловіи къ англійскому переводу брошюры „Развитія научнаго соціализма“ (переведено на нѣмецкій языкъ и напечатано подъ заглавіемъ: „Ueber den historischen Materialismus“ въ „Neuen Zeit“, №№ 1 и 2 1892—1893 гг.). Что касается Маркса, то для пониманія философской стороны его ученія въ высшей степени важны, во первыхъ, характеристика матеріалистической діалектики,—въ ея отличіи отъ идеалистической діалектики Гегеля,—въ предисловіи ко второму изданію 1-го тома „Капитала“, во вторыхъ — многія отдѣльныя замѣчанія, мимоходомъ высказанныя въ томъ же томѣ. Весьма существенными въ извѣстныхъ отношеніяхъ являются также нѣкоторыя страницы въ „Misere de la philosophie“ (есть русскій переводъ). Наконецъ, процессъ развитія философскихъ взглядовъ Маркса-Энгельса съ достаточной ясностью обнаруживается въ ихъ раннихъ произведеніяхъ, вновь издан-

[1]) См. Т. Гомперца: Les penseurs de la Grece. trad. par Aug. Regmonil, Lausanne 1905, tome II, p. p. 414—415.

ныхъ Ф. Мерингомъ подъ заглавіемъ: Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx и т. д., Stuttgartt 1902.

Въ своей диссертаціи „Differenz der demokritischen und epakureischen Naturphilosophie", ровно какъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ, перепечатанныхъ Мерингомъ въ первомъ томѣ названнаго изданія, молодой Марксъ является предъ нами еще чистокровнымъ идеалистомъ Гегелевой школы; въ статьяхъ же, вошедшихъ теперь въ тотъ же томъ и появившихся первоначально въ „Deutsch—Französishen Jahrbüchern", онъ—а также и сотрудничавшій въ тѣхъ же „Jahrbücher" Энгельсъ, — твердо стоитъ уже на точкѣ зрѣнія Фейербахова „гуманизма" Вышедшая въ 1845 г. и перепечатанная теперь во второмъ томѣ Мерингова изданія книга „Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik" показываетъ намъ обоихъ своихъ авторовъ, — т. е. и Маркса и Энгельса,—дѣлающими нѣсколько значительныхъ шаговъ въ смыслѣ дальнѣйшей разработки философіи Фейербаха. Въ какомъ направленіи предпринята была ими эта разработка, видно изъ тѣхъ одиннадцати тезисовъ о Фейербахѣ, которые были написаны Марксомъ весною 1845 г. и напечатаны Энгельсомъ въ приложеніи къ вышеназванной брошюрѣ „Л. Фейербахъ". Словомъ, въ матерьялѣ тутъ недостатка нѣтъ, нужно только умѣть пользоваться имъ, т. е. нужно быть подготовлённымъ къ его пониманію. Современные же читатели какъ разъ и неподготовлены къ его пониманію, а потому и не умѣютъ имъ пользоваться.

Почему это происходитъ? По многимъ причинамъ. Одной изъ самыхъ главныхъ является та, что теперь чрезвычайно мало распространены, во-первыхъ, знаніе Гегелевой философіи, безъ котораго трудно

усвоить себѣ методъ Маркса, во-вторыхъ, знакомство съ исторіей матеріализма, отсутствіе котораго не позволяетъ современнымъ читателямъ составить себѣ ясное представленіе объ ученіи Фейербаха, бывшаго непосредственнымъ философскимъ предшественникомъ Маркса и въ значительной степени выработавшаго философскую основу того, что можно назвать міросозерцаніемъ Маркса—Энгельса.

„Гуманизмъ“ Фейербаха обыкновенно изображается теперь, какъ нѣчто весьма неясное и неопредѣленное. Ф. А. Ланге, вообще очень сильно содѣйствовавшій въ „широкой публикѣ“ и въ ученомъ мірѣ распространенію совершенно неправильнаго взгляда на сущность матеріализма и на его исторію, совсѣмъ отказывается признать „гуманизмъ“ Фейербаха матеріалистическимъ ученіемъ. Примѣру Ф. А. Ланге слѣдуютъ въ этомъ отношеніи почти всѣ писавшіе о Фейербахѣ въ Россіи и за границей. Не избѣжалъ, какъ видно, его вліянія и П. А. Берлинъ, который изображаетъ Фейербаховъ „гуманизмъ“ какимъ-то не „чистымъ“ матеріализмомъ [1]). Признаемся, намъ не совсѣмъ ясно, какъ смотритъ на этотъ вопросъ Фр. Мерингъ, лучшій, едва-ли, впрочемъ, и не единственный знатокъ философіи между германскими соціалъ-демократами. Но за то намъ совершенно ясно, что Марксъ и Энгельсъ видѣли въ Фейербахѣ именно матеріалиста. Правда, Энгельсъ указываетъ на непослѣдовательность Фейербаха; но это нисколько не мѣшаетъ ему признавать основныя положенія его философіи чисто матеріали-

---

[1]) См. его интересную книгу „Германія наканунѣ революціи 1848 г., Спб. 1906, стр. 228—29.

стическими. Да иначе и не можетъ смотрѣть на эти положенія человѣкъ, давшій себѣ трудъ хорошо изучить ихъ.

II.

Говоря все это, мы прекрасно знаемъ, что мы очень сильно рискуемъ удивить многихъ и многихъ изъ нашихъ читателей. Но мы не боимся этого, ибо правъ былъ древній мыслитель, сказавшій, что удивленіе есть мать философіи. А чтобы наши читатели не остались, такъ сказать, на стадіи удивленія, мы имъ прежде всего порекомендуемъ спросить себя, что собственно хотѣлъ выразить Фейербахъ, когда, набрасывая въ немногихъ но яркихъ словахъ свой философскій curriculum vitae, онъ писалъ: „Богъ былъ мой первой мыслью, разумъ второю, а человѣкъ третьею и послѣднею. Мы утверждаемъ, что этотъ вопросъ безаппеляціонно рѣшается слѣдующими многознаменательными словами того-же Фейербаха: „Въ спорѣ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ рѣчь идетъ о человѣческой головѣ.. разъ мы узнали, что представляетъ собою та матерія, изъ которой состоитъ мозгъ, мы скоро придемъ къ ясному взгляду и насчетъ всякой другой матеріи, насчетъ матеріи вообще" [1]. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что его „антропологія",—т. е. „гуманизмъ",—представляетъ собою лишь указаніе на то, что человѣкъ принимаетъ за бога свою собственную сущность, свой собственный духъ [2]. И этой „антропологической"

[1] Ueber Spiritualismus und Materialismus, Werke, X, 129.
[2] Werke, IV, 249.

точки зрѣнія не чуждъ, по его замѣчанію, уже Декартъ [1]). Что же все это значитъ? Это значитъ, что Фейербахъ взялъ „человѣка“ за отправную точку своихъ философскихъ разсужденій только потому, что, отправляясь отъ этой точки, онъ надѣялся скорѣе придти къ цѣли, которая состояла въ составленіи правильнаго взгляда на матерію вообще и на ея отношеніе къ „духу“. Стало быть, тутъ мы имѣемъ дѣло съ методологическимъ пріемомъ, значеніе котораго обусловливалось обстоятельствами времени и мѣста,— т. е. привычками мысли тогдашнихъ ученыхъ и просто образованныхъ нѣмцевъ [2]) а вовсе не съ какой нибудь особенностью міросозерцанія.

Уже изъ приведенныхъ нами словъ Фейербаха на счетъ „человѣческой головы“ видно, что въ ту пору, когда онъ писалъ эти слова, вопросъ о „матеріи, изъ которой состоитъ мозгъ“, былъ имъ рѣшенъ въ „чисто“ матеріалистическомъ смыслѣ. И это его рѣшеніе во проса было принято также Марксомъ-Энгельсомъ. Оно легло въ основу ихъ собственной философіи, что съ самой полной ясностью видно изъ не разъ уже упомянутыхъ нами сочиненій Энгельса „Людвигъ Фейербахъ“ и Анти-Дюрингъ. Вотъ почему мы должны поближе ознакомиться съ этимъ рѣшеніемъ: изучая его, мы будемъ въ то же время изучать философскую сторону марксизма.

Въ своей статьѣ „Vorläufige Thesen zur Reform der Philosophie“, появившейся въ 1842 г. и, какъ это по всему

---

1) Тамъ же, та же стр.

2) Фейербахъ самъ очень хорошо говоритъ, что начало всякой философіи опредѣляется предшествовавшимъ состояніемъ философской мысли. (Werke, II, 193).

видно, оказавшей очень сильное влiянiе на Маркса, Фейербахъ говоритъ, что „истинное отношенiе мышленiя къ бытiю есть слѣдующее: бытiе—субъектъ, мышленiе—предикатъ. Мышленiе обусловливается бытiемъ, а не бытiе—мышленiемъ. Бытiе обусловливается самимъ собою... имѣетъ свою основу въ самомъ себѣ [1]).

Этотъ взглядъ на отношенiе бытiя къ мышленiю, положенный Марксомъ-Энгельсомъ въ основу матерiалистическаго объясненiя исторiи — представляетъ собою важнѣйшiй результатъ той критики Гегелева идеализма, которая была въ главныхъ чертахъ закончена еще Фейербахомъ, и выводы которой могутъ быть такъ изложены въ немногихъ словахъ.

Фейербахъ нашелъ, что философiя Гегеля устранила противорѣчiе между бытiемъ и мышленiемъ, выразившееся съ особенной выпуклостью у Канта. Но, по мнѣнiю Фейербаха, она устранила это противорѣчiе, продолжая оставаться внутри его, т. е. внутри одного изъ его элементовъ и именно — мышленiя. У Гегеля мышленiе и есть бытiе: „Мысль—субъектъ; бытiе—предикатъ“ [2]). Выходитъ, что Гегель, — и вообще идеализмъ, — устраняетъ противорѣчiе лишь посредствомъ устраненiя одного изъ его составныхъ элементовъ, т. е. бытiя, матерiи, природы. Но устранить одинъ изъ составныхъ элементовъ противорѣчiя вовсе не значитъ разрѣшить это противорѣчiе. Ученiе Гегеля о томъ, что природа „полагается“ Идеей, представляетъ собою лишь переводъ на философскiй языкъ теологическаго ученiя о томъ, что природа создана Богомъ, дѣйстви-

—

[1]) Werke, II, 263.
[2]) Werke, II, 261.

тельность, матерія, — отвлеченнымъ, на матерьяльнымъ существомъ“ [1]). И это относится не только къ обсолютному идеализму Гегеля. Трансцендентальный идеализмъ Канта, согласно которому внѣшній міръ получаетъ свои законы отъ разсудка, а не разсудокъ отъ внѣшняго міра, находится въ самой тѣсной родственной связи съ теологическимъ представленіемъ о томъ, что божественный разсудокъ продиктовалъ міру его законы [2]). Идеализмъ не устанавливаетъ единства бытія и мышленія и не можетъ установить его; онъ его разрываетъ. Исходная точка идеалистической философіи,—„я“, какъ основной философскій принципъ,—совершенно ошибочна. Точкой отправленія истинной философіи должно служить не „я“, а „я“ и ты“. Только эта точка отправленія даетъ возможность придти къ правильному пониманію отношенія между мышленіемъ и бытіемъ, субъектомъ и объектомъ Я есмь я для меня самого и въ то же время—„ты“ для другого. Я субъектъ и въ то же время объектъ. И надо замѣтить, кромѣ того, что я—не то отвлеченное существо, съ которымъ оперируетъ идеалистическая философія. Я—существо дѣйствительное: мое тѣло принадлежитъ къ моей сущности, болѣе того: мое тѣло,—какъ цѣлое,—и есть мое я, моя истинная сущность. Думаетъ не отвлеченное существо, а именно это дѣйствительное существо, это тѣло Такимъ образомъ, обратно тому, что утверждаютъ идеалисты, дѣйствительное матерьяльное существо оказывается субъектомъ, а мышленіе—предикатомъ. И въ этомъ и состоитъ единственное возможное разрѣшеніе того противорѣчія

[1]) Jbid., 262.
[2]) Werke, II. 295.

между бытіемъ и мышленіемъ, надъ которымъ такъ тщетно бился идеализмъ. Тутъ не устраняется ни одинъ изъ элементовъ противорѣчія: оба они сохраняются, обнаруживая свое истинное единство. „Что для меня, или субъективно есть чисто духовный, нематерьяльный, нечувственный актъ, то само по себѣ, объективно, есть актъ матерьяльный, чувственный“ [1]).

Замѣтьте что, говоря это, Фейербахъ сближается со Спинозой, философію котораго онъ съ большимъ сочувствіемъ излагалъ уже въ то время, когда только еще намѣчался его собственный разрывъ съ идеализмомъ, т. е. когда онъ писалъ свою исторію новой философіи. Въ 1843 г. онъ въ своихъ „Grundsätze“ очень тонко замѣтилъ, что пантеизмъ есть теологическій матеріализмъ, отрицаніе теологіи, остающееся на теологической точкѣ зрѣнія. Въ этомъ смѣшеніи матеріализма съ теологіей заключалась непослѣдовательность Спинозы, не помѣшавшая ему, однако, найти „правильное, по крайней мѣрѣ, для своего времени, выраженіе для матеріалистическихъ понятій новѣйшей эпохи“. Поэтому Фейербахъ называетъ Спинозу „Моисеемъ новѣйшихъ свободныхъ мыслителей и матеріалистовъ“. [2]) Въ 1847 г. Фейербахъ спрашиваетъ: „чѣмъ же оказывается при внимательномъ разсмотрѣніи то, что Спиноза логически или метафизически называетъ субстанціей, а теологически—богомъ“? И на этотъ вопросъ онъ категорически отвѣчаетъ: „не чѣмъ инымъ, какъ природой“. [3]) Главный недостатокъ спинозизма онъ ви-

[1]) Werke, 350.

[2]) Werke II, 291.

[3]) Тутъ мы особенно рекомендуемъ вниманію читателя ту мысль Энгельса, что законы внѣшней природы и законы, регу-

ная, антитеологическая сущность природы принимаетъ у него видъ отвлеченнаго, метафизическаго существа". Спиноза устранилъ дуализмъ бога и природы, такъ какъ объявилъ дѣйствія природы дѣйствіями бога. Но именно потому, что дѣйствія природы являются въ его глазахъ дѣйствіями бога, богъ остается у него какимъ-то отдѣльнымъ отъ природы существомъ, лежащимъ въ ея основѣ. Богъ представляется субъектомъ, природа—предикатомъ. Философія, окончательно освободившаяся отъ богословскихъ преданій, должна устранить этотъ важный недостатокъ правильной по своему существу философіи Спинозы. „Долой это противорѣчіе!—восклицаетъ Фейербахъ.—Не Deus sive Natura, но aut Deus, aut Natura есть пароль истины [1]).

Итакъ „гуманизмъ" Фейербаха самъ оказывается не чѣмъ иным, какъ спинозизмомъ, освобожденнымъ отъ его теологической привѣски. И именно на точку зрѣнія этого спинозизма,—освобожденнаго Фейербахомъ отъ его теологической привѣски,—перешли Марксъ и Энгельсъ, когда разорвали съ идеализмомъ.

Но освободить спинозизмъ отъ его теологической привѣски значило обнаружить его истинное, матеріа-

лирующіе тѣлесное и духовное бытіе человѣка, суть „zwei Klassen von Gesetzen, die wir höchstens in der Vorstellung, nicht aber in der Wirklichkeit von einander trennen können". (Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft fünfte Auflage, s. s. (112—113). Это то же самое ученіе объ единствѣ бытія и мышленія, объекта и субъекта. О пространствѣ и времени смотри пятую главу первой части уложеній сочиненій. Изъ этой главы видно, что пространство и время для Энгельса—какъ и для Фейербаха,—не только формами созерцанія, но и формами, бытія. (см. особенно стр. 41—42).

[1]) Werke, II, 350.

листическое содержаніе. Стало быть, спинозизмъ Маркса—Энгельса и былъ новѣйшимъ матеріализмомъ.

Далѣе. Мышленіе не причина бытія, а его слѣдствіе или, точнѣе, его свойство (Фейербахъ говоритъ: Folge und Eigenschaft). Я ощущаю и мыслю вовсе не какъ субъектъ, противостоящій объекту, а какъ субъектъ—объектъ, какъ дѣйствительное, матеріальное существо. И объектъ для меня есть не только ощущаемый предметъ, но также—основаніе, необходимое условіе моего ощущенія. Объективный міръ находится не только внѣ меня; онъ также—во мнѣ самомъ, въ моей собственной кожѣ. Человѣкъ есть лишь часть природы, часть бытія; поэтому нѣтъ мѣста для противорѣчія между его мышленіемъ и бытіемъ. Пространство и время существуютъ не только для мышленія. Они также—формы бытія. Они—формы моего созерцанія. Но они таковы единственно потому, что я—самъ—существо, живущее во времени и въ пространствѣ, и что я ощущаю и чувствую лишь, какъ такое существо. Вообще законы бытія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и законы мышленія.

Такъ говорилъ Фейербахъ. [1]) И тоже, хотя иногда и другими словами, говорилъ Энгельсъ въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ. Уже отсюда видно, какая важная часть философіи Фейербаха навсегда вошла въ философію Маркса—Энгельса.

Если Марксъ началъ выработку своего матеріалистическаго объясненія исторіи съ критикой Гегелевой философіи права, то онъ могъ поступить

[1]) Werke, II, 334, и X, 186—184.

такъ только потому, что критика спекулятивной философіи Гегеля была закончена еще Фейербахомъ.

Даже критикуя Фейербаха въ своихъ тезисахъ, Марксъ не рѣдко развиваетъ и дополняетъ его же мысли. Вотъ примѣръ изъ области „гносеологіи". По словамъ Фейербаха, человѣкъ, прежде чѣмъ думать о предметѣ, испытываетъ на себѣ его дѣйствіе, созерцаетъ, его, чувствуетъ. Марксъ имѣетъ въ виду эту мысль Фейербаха, говоря: „Главный недостатокъ матеріализма—до Фейербахова включительно, состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматриваетъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ, лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно". Этимъ недостаткомъ матеріализма объясняется, говоритъ далѣе Марксъ, то обстоятельство, что Фейербахъ въ своей „Сущности Христіанства" разсматриваетъ, какъ истинно человѣческую дѣятельность, только дѣятельность теоретическую. Другими словами это можно выразить такъ. Фейербахъ указываетъ на то, что наше я познаетъ объектъ, лишь подвергаясь его воздѣйствію [1]. Марксъ же возражаетъ: наше я познаетъ объектъ, воздѣйствуя на него съ своей стороны. Мысль Маркса вполнѣ правильна, еще Фаустъ сказалъ: „въ началѣ дѣло было". Конечно, въ защиту Фейербаха можно возразить, что вѣдь и въ процессѣ на-

[1] Dem Denken,—говоритъ онъ,—geht das Sein voran, ehe Du die Qualität denkst, fühlst du die Qualität". Werke II, 253.

шего воздѣйствія на предметы мы познаемъ ихъ свойства лишь постольку, поскольку они съ своей стороны воздѣйствуютъ на насъ. Въ обоихъ случаяхъ мышленію предшествуетъ ощущеніе, въ обоихъ случаяхъ мы, прежде ощущаемъ ихъ свойства, а потомъ уже думаемъ о нихъ. Но Марксъ этого и не отрицалъ. Для него дѣло было не въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что ощущеніе предшествуетъ размышленію, а въ томъ, что человѣкъ побуждается къ размышленію главнымъ образомъ тѣми ощущеніями, которыя онъ испытываетъ въ процессѣ своего воздѣйствія на внѣшній міръ. А такъ какъ это воздѣйствіе на внѣшній міръ предписывается ему его борьбою за свое существованіе, то теорія познанія тѣсно связывается у Маркса съ его матеріалистическимъ взглядомъ на культурную исторію человѣчества. Не даромъ тотъ же самый мыслитель, который направилъ противъ Фейербаха интересующій насъ здѣсь тезисъ, написалъ въ первомъ томѣ своего „Капитала“: „воздѣйствуя на природу внѣ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу“. Это положеніе обнаруживаетъ весь свой глубокій смыслъ только при свѣтѣ Марксовой теоріи познанія. И мы еще увидимъ, какъ сильно подтверждается эта его теорія исторіей культурнаго развитія и даже, между прочимъ, наукой о языкѣ. Но все-таки надо признать, что гносеологія Маркса по самой прямой линіи происходитъ отъ гносеологіи Фейербаха, или, если хотите, что она собственно и есть гносеологія Фейербаха, но только углубленная посредствомъ сдѣланной къ ней Марксомъ геніальной поправки.

Прибавимъ мимоходомъ, что эта геніальная поправка была подсказана „духомъ времени“. Въ этомъ

стремленіи взглянуть на взаимодѣйствіе между объектомъ и субъектомъ именно съ той его стороны, съ которой субъектъ выступаетъ въ активной роли сказалось общественное настроеніе того времени, когда складывалось міросозерцаніе Маркса—Энгельса. Революція 1848 года была тогда уже не за горами...

III.

Ученіе объ единствѣ субъекта и объекта, мышленія и бытія, въ одинаковой мѣрѣ свойственное какъ Фейербаху, такъ и Марксу—Энгельсу было также ученіемъ наиболѣе выдающихся матеріалистовъ XVII и XVIII столѣтій.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы показали, что Ламеттри и Дидро пришли—хотя, надо прибавить, каждый своимъ особымъ путемъ,—къ такому міросозерцанію, которое было „родомъ спинозизма", т. е. спинозизмомъ, лишеннымъ искажавшей его истинное содержаніе теологической привѣски, легко было бы показать, что по скольку рѣчь идетъ объ единствѣ субъекта и объекта, Гоббсъ тоже очень близокъ къ Спинозѣ. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко. Да въ этомъ и нѣтъ настоятельной нужды. Едва-ли не интереснѣе для читателя будетъ констатированіе того, что каждый натуралистъ, хоть немного занимающійся вопросомъ объ отношеніи мышленія къ бытію приходитъ въ настоящее время къ тому ученію объ ихъ единствѣ, съ которымъ мы познакомились у Фейербаха.

Когда Гексли писалъ: „Въ наши дни никто изъ

---

[1]) См. статью „Бернштейнъ и матеріализмъ" въ нашемъ сборникѣ „Критика нашихъ критиковъ"

стоящихъ на высотѣ современной науки и знающихъ факты, не усомнится въ томъ, что основы психологіи надо искать въ физіологіи нервной системы", и что такъ называемая дѣятельность духа „есть совокупность мозговыхъ функцій" [1]), онъ высказывалъ именно то, что говорилъ Фейербахъ, только онъ съ этими словами связывалъ гораздо менѣе ясныя понятія, и именно потому, что понятія, связывавшіяся у него съ этими словами, были гораздо менѣе ясны, онъ могъ пытаться соединить свой, только что указанный нами взглядъ, съ философскимъ скептицизмомъ Юма [2]).

Точно также и надѣлавшій такъ много шума „монизмъ" Геккеля есть не что иное, какъ чисто матеріалистическое,—и въ сущности близкое къ Фейербаховскому,—ученіе объ единствѣ субъекта и объекта. Но Геккель очень плохо знакомъ съ исторіей матеріализма и потому онъ считаетъ нужнымъ бороться съ его „односторонностью", между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы дать себѣ трудъ изучить его теорію познанія въ томъ видѣ, какой она приняла у Фейербаха и Маркса: это предохранило бы его самого отъ многихъ промаховъ и односторонностей, облегчающихъ его противникамъ борьбу съ нимъ на почвѣ философіи.

Совсѣмъ близко подходитъ къ новѣйшему матеріализму,—матеріализму Фейербаха—Маркса—Энгельса,— Августъ Форель въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ докладѣ: „Gehirn und Seele", читанномъ на 66-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей

---

1) Hume, sa vie, sa philosophie, p. 108.
2) Ibid p. 110.

и врачей въ Вѣнѣ (26-го сентября 1894 г.) [1]. Мѣстами Форель не только выражаетъ тамъ мысли, очень сходныя съ мыслями Фейербаха, но—что прямо поразительно,—располагаетъ свою доводы именно такъ, какъ располагалъ свою аргументацію Фейербахъ. По словамъ Фореля, каждый новый день приноситъ намъ убѣдительныя доказательства того, что психологія и физіологія мозга представляютъ собою лишь два различныхъ способа разсматриванія „одной и той же вещи". Читатель не забылъ,—приведеннаго нами выше и относящагося къ этому же вопросу,—тождественнаго взгляда Фейербаха. Этотъ взглядъ можно дополнить здѣсь слѣдующимъ соображеніемъ: „Я—говорилъ Фейербахъ,—психологическій объектъ для самого себя, но физіологическій — для другого" [2]. Въ концѣ концовъ главная мысль Фореля сводится къ тому положенію, что сознаніе есть „внутренній рефлексъ мозговой дѣятельности" [3]. А это уже чисто матеріалистическій взглядъ.

Идеалисты и кантіанцы разныхъ видовъ и разновидностей твердятъ, возражая матеріалистамъ, что непосредственно намъ дана именно только **психическая** сторона тѣхъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь у Фореля и у Фейербаха. Это возраженіе было чрезвычайно ярко формулировано Шеллингомъ, который сказалъ, что „духъ навсегда останется островомъ, на который изъ области матеріи нельзя попасть безъ прыжка". Форель прекрасно знаетъ это, но онъ убѣ-

[1] Ср. также **третью главу** его книги: L'ame et le système nerveux, hygiène et pathologie. Paris. 1906.

[2] Werke, II, 348—349.

[3] Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen etc., München. 1901 S. 7.

дительно доказываетъ, что наука была бы прямо невозможна, если бы мы серьезно рѣшились не выходить за предѣлы этого острова. „Каждый человѣкъ,—говоритъ онъ,—имѣлъ бы лишь психологію своего субъективизма (hätte nur die Psychologie seines Subjectivismus)... и положительно долженъ былъ бы усомниться въ существованіи внѣшняго міра и другихъ людей“ [1]). Но такое сомнѣніе есть нелѣпость. „Умозаключенія по аналогіи, естественно-научная индукція, сравненіе опыта нашихъ пяти внѣшнихъ чувствъ доказываютъ намъ существованіе внѣшняго міра, другихъ людей и психологіи этихъ послѣднихъ. Точно также они доказываютъ намъ, что сравнительная психологія, психологія животныхъ, наконецъ, наша собственная психологія осталась бы для насъ непонятной и полной противорѣчій, если бы стали разсматривать ее безъ отношенія къ дѣятельности нашего мозга; она прежде всего представилась бы противорѣчащей закону сохраненія энергіи [2]).

Фейербахъ не только обнаруживаетъ тѣ противорѣчія, въ которыя неизбѣжно попадаютъ люди, отвергающіе матеріалистическую точку зрѣнія, но и показываетъ, какимъ путемъ идеалисты попадаютъ на свой „островъ“. Онъ говоритъ: „Я есмь я для самого себя и ты—для другого. Но таковымъ я являюсь только какъ чувственное (т. е. матерьяльное. Г. П.) существо. Абстрактный же разсудокъ изолируетъ это для—себя—бытіе, какъ субстанцію, атомъ, я, богъ; поэтому связь для—себя—бытія съ бытіемъ—для—другого является у него произвольной. То, что мыслится мною внѣ чув-

[1]) Ibid. S. S. 7–8.

[2]) Die psychischen Fähigkeiten, та же страница.

ственности (ohne Sinnlichkeit), мыслится внѣ всякой связи [1]). Это въ высшей степени важное соображеніе сопровождается у него анализомъ того процесса абстракціи, который привелъ къ возникновенію Гегелевой логики, какъ онтологическаго ученія [2]).

Если бы Фейербахъ обладалъ тѣми свѣдѣніями, которыя даетъ намъ современная намъ этнологія, то онъ могъ бы прибавить, что философскій идеализмъ исторически происходитъ отъ анимизма, свойственнаго первобытнымъ народамъ. На это указалъ еще Э. Тейлоръ [3]), и съ этимъ начинаютъ уже отчасти считаться,—хотя пока еще больше какъ съ курьезомъ, чѣмъ какъ съ культурно-историческимъ фактомъ, имѣющимъ колоссальное теоретико-познавательное значеніе,—нѣкоторые историки философіи [4]).

Всѣ эти соображенія и доводы Фейербаха не только были хорошо извѣстны и внимательно продуманы

[1]) Werke, II, 322, Мы очень рекомендуемъ эти слова Фейербаха вниманію г. Богданова. Ср. также стр. 263.

[2]) „Der absolute Geist Hegels ist nichts Anderes als der abstracte, von sich selbst abgesonderte sogenannte endliche Geist, wie das unendliche Wesen der Theologie nichts Anderes ist, als das abstracte endliche Wesen". Werke, II. 263.

[3]) „Der absolute Geist Hegels ist nichts Anderes als der abstracte, von sich selbst abgesonderte sogenannte endliche Geist, wie das unendleiche wesen der Theologie nichts Anderes ist, als das abstracte endliche Wesen". Werke, II, 263.

[4]) La civilisation primitive, Paris 1876, tome II, p. 143. Надо, впрочемъ замѣтить, что у Фейербаха есть на этотъ счетъ по истинѣ геніальная догадка Онъ говоритъ: „Der Begriff des Objects ist ursprünglich gar nichts Anderes als der Begriff eines andern Jch - so fasst der Mensch in der Kindheit alle Dinge als freithätige, willkürliche Wesen auf, daher ist der Begriff des Objects überhaupt vermittelt durch den Begriff des gegenständlichen Jch". II, 322.

Марксомъ и Энгельсомъ, но и, несомнѣнно, въ весьма значительной мѣрѣ содѣйствовали выработкѣ ихъ собственнаго міросозерцанія. Если Энгельсъ относился впослѣдствіи самымъ презрительнымъ образомъ къ нѣмецкой философіи послѣ Фейербаха, то это происходило потому, что она, по его мнѣнію, только воскрешала тѣ старыя философскія ошибки, которыя были обнаружены еще Фейербахомъ. И такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Ни одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ матеріализма не привелъ ни одного довода, который не былъ бы опровергнутъ или самимъ Фейербахомъ или, еще раньше его, французскими матеріалистами, но „критикамъ Маркса", — Э. Бернштейну, К. Шмидту, Б. Кроче и т. д. и т. д. — „эклектическая нищенская похлебка" самоновѣйшаго нѣмецкаго любомудрія кажется совершенно новымъ блюдомъ: они питались ею и, видя, что Энгельсъ, не считалъ нужнымъ заниматься ею, воображали, что онъ „уклоняется" отъ разбора той аргументаціи, которая давнымъ давно уже была разсмотрѣна имъ и признана ровно никуда не годной. Это старая, но вѣчно новая исторія. Крысы никогда не перестанутъ думать, что кошка много сильнѣе льва.

Признавая поразительное сходство, — а отчасти и тождество, — взглядовъ Фейербаха со взглядами А. Фореля, замѣтимъ, однако, что если этотъ послѣдній обладаетъ гораздо большимъ запасомъ естественно-научнаго образованія, то Фейербахъ имѣлъ передъ нимъ преимущество обстоятельнаго знанія философіи. Поэтому Форель дѣлаетъ промахи, какихъ мы не встрѣчаемъ у Фейербаха, Форель называетъ свою теорію психофизіологической теоріей тожде-

ства [1]). Противъ этого нельзя возражать по существу, потому что всякая терминологія есть условная вещь, но такъ какъ теорія тождества лежала когда-то въ основѣ совершенно опредѣленной идеалистической философіи, то Форель лучше сдѣлалъ бы, если бы прямо, смѣло и просто объявилъ свое ученіе матеріалистическимъ, но онъ, какъ видно, сохранилъ нѣкоторые предразсудки противъ матеріализма и потому выбралъ другое названіе. Вотъ почему мы находимъ нужнымъ отмѣтить, что тождество въ смыслѣ Фореля не имѣетъ ничего общаго съ тождествомъ въ идеалистическомъ смыслѣ.

„Критики Маркса" не знаютъ и этого. К. Шмидтъ въ полемикѣ съ нами приписывалъ матеріалистамъ именно идеалистическое ученіе о тождествѣ. На самомъ дѣлѣ матеріализмъ признаетъ единство субъекта и объекта, а вовсе не тождество ихъ. И это хорошо выяснено было опять-таки Фейербахомъ.

По Фейербаху, единство субъекта и объекта, мышленія и бытія имѣетъ смыслъ только тогда, когда за основу этого единства берется человѣкъ. Это опять звучитъ на какой-то особый, „гуманистическій" ладъ, и большинство людей, занимавшихся Фейербахомъ, не считало нужнымъ получше вдуматься въ то, какимъ образомъ человѣкъ служитъ основой единства указанныхъ противоположностей. На самомъ дѣлѣ Фейербахъ понимаетъ это вотъ какъ. „Только тамъ,—говоритъ онъ,—гдѣ мышленіе есть не субъектъ для себя, а предикатъ дѣйствительнаго (т. е. матерьяль-

[1]) См. его статью: „Die psycho—physiologische Identitätstheorie als wissenchaftliches Postulat" въ сборникѣ: „Festschrift I. Rosenthal", Leipzig 1906, erstes Theil, s. s. 119—132.

наго Г. П.) существа, только тамъ мысль не есть нѣчто оторванное отъ бытія [1]). Теперь спрашивается: гдѣ же, въ какихъ философскихъ системахъ мышленіе есть „субъектъ для себя", т. е. нѣчто независимое отъ тѣлеснаго существованія мыслящаго индивидуума? Отвѣтъ ясенъ: въ идеалистическихъ системахъ. Идеалисты сначала превращаютъ мышленіе въ самостоятельную, независимую отъ человѣка сущность („субъектъ для себя"),а потомъ объявляютъ, что въ ней, въ этой сущности, разрѣшается противорѣчіе между бытіемъ и мышленіемъ. Именно потому, что ей, независимой отъ матеріи сущности, свойственно отдѣльное, независимое бытіе. И оно дѣйствительно разрѣшается въ ней, такъ какъ что же такое—эта сущность? Мышленіе. И это мышленіе существуетъ,—есть,—независимо ни отъ чего другого. Но это рѣшеніе противорѣчія есть чисто-формальное рѣшеніе его. Оно достигается только тѣмъ, что,—какъ мы уже говорили выше,—устраняется одинъ изъ его элементовъ: именно, независимое отъ мышленія бытіе. Бытіе оказывается простымъ свойствомъ мышленія, и когда мы говоримъ, что данный предметъ существуетъ, это значитъ только то, что онъ существуетъ въ мышленіи. Такъ понималъ этотъ вопросъ, напримѣръ, Шеллингъ. Для него мышленіе было тѣмъ абсолютнымъ принципомъ, изъ котораго необходимо слѣдовалъ дѣйствительный міръ, т. е. природа и „конечный" духъ. Но какъ слѣдовалъ? Что означало существованіе дѣйствительнаго міра? Не что иное, какъ существованіе въ мышленіи. Для Шеллинга вселенная была лишь самосозерцаніемъ абсолютнаго духа. И то же мы

[1]) Werke, II, 340.

видимъ у Гегеля. Но Фейербахъ не довольствовался такимъ чисто формальнымъ разрѣшеніемъ противорѣчія между мышленіемъ и бытіемъ. Онъ указывалъ на то, что мышленія, независимаго отъ человѣка, т. е. отъ дѣйствительнаго, матеріальнаго существа, нѣтъ и быть не можетъ. Мышленіе есть дѣятельность мозга. „Но мозгъ только до тѣхъ поръ служитъ органомъ мышленія, пока онъ связанъ съ головой и тѣломъ человѣка“ [1]).

Теперь мы видимъ, въ какомъ смыслѣ человѣкъ является у Фейербаха основой единства бытія и мышленія. Онъ является ею въ томъ смыслѣ, что онъ самъ есть не что иное, какъ матерьяльное существо, обладающее способностью къ мышленію. Но если онъ есть такое существо, то ясно, что въ немъ не устраняется ни одинъ изъ элементовъ противорѣчія: ни бытіе, ни мышленіе, ни „матерія“, ни „духъ“, ни субъектъ, ни объектъ. Они именно объединяются въ немъ, какъ въ субъектѣ-объектѣ. „Я есмь и я мыслю... только, какъ субъектъ-объектъ“, говоритъ Фейербахъ.

Быть не значитъ существовать въ мысли. Въ этомъ отношеніи философія Фейербаха гораздо яснѣе философіи І. Дицгена. „Доказать, что нѣчто существуетъ,— замѣчаетъ Фейербахъ,—значитъ доказать, что оно существуетъ не только въ мысли“. [2]) И это совершенно вѣрно. Но вѣдь это имѣетъ тотъ смыслъ, что единство между мышленіемъ и бытіемъ вовсе не означаетъ и не можетъ означать тождества между ними.

Здѣсь выступаетъ передъ нами одна изъ самыхъ

---

[1]) Werke, II, 362—363.
[2]) Werke, X, 187.

важныхъ чертъ, отличающихъ матеріализмъ отъ идеализма.

IV.

Когда говорятъ, что Марксъ и Энгельсъ были въ теченіе нѣкотораго времени послѣдователями Фейербаха, то не рѣдко хотятъ этимъ сказать, что когда прошло это время, то міросозерцаніе Маркса-Энгельса существенно измѣнилось и стало совершенно отличнымъ отъ міросозерцанія Фейербаха. Какъ видно, такъ представляется дѣло К. Дилю, который находитъ, что вліяніе Фейербаха на Маркса обыкновенно очень преувеличивается [1]). Это огромная ошибка. Переставъ быть послѣдователями Фейербаха, Марксъ и Энгельсъ вовсе не перестали раздѣлять весьма значителную часть его собственно философскихъ взглядовъ. И это лучше всего доказывается тѣми тезисами, въ которыхъ Марксъ критиковалъ Фейербаха. Тезисы эти вовсе не устраняютъ основныхъ положеній философіи Фейербаха; они только исправляютъ эти положенія и,—главное, требуютъ болѣе послѣдовательнаго, чѣмъ у Фейербаха, приложенія ихъ къ объясненію окружающей человѣка дѣйствительности, въ особенности же его собственной дѣятельности. Не мышленіе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою мышленіе. Эта мысль лежитъ въ основѣ основъ всей философіи Фейербаха. И эта же мысль кладется Марксомъ и Энгельсомъ въ основу матеріалистическаго объясненія исторіи. Матеріализмъ Маркса и Энгельса представляетъ собою гораздо болѣе развитое ученіе, нежели матеріализмъ Фейербаха. Но матеріалистическіе взгляды Маркса и

[1]) Handwörterbuch der Staatswissenschaft n. V, S. 708.

Энгельса развивались въ томъ самомъ направленіи, которое указывалось внутренней логикой философіи Фейербаха. Вотъ почему взгляды эти всегда будутъ не вполнѣ ясны,—особенно съ ихъ философской стороны,—для того, кто не потрудиться выяснить себѣ, какая именно часть названной философіи вошла, какъ составной элементъ въ міросозерцаніе основателей научнаго соціализма. И когда вы, читатель, встрѣтите человѣка, хлопочущаго о томъ, чтобы найти „философское обоснованіе", для историческаго матеріализма, вы можете быть увѣрены, что у этого глубокомысленнаго смертнаго есть очень большая недохватка въ только что указанномъ нами отношеніи.

Но оставимъ глубокомысленныхъ людей. Уже въ своемъ третьемъ тезисѣ о Фейербахѣ Марксъ вплотную подходитъ къ самой трудной изо всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя ему предстояло рѣшить въ области исторической „практики" общественнаго человѣка съ помощью выработаннаго Фейербахомъ правильнаго понятія объ единствѣ субъекта и объекта. Тезисъ этотъ гласитъ: „Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанія... забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми, и что воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ". Разъ рѣшена эта задача, „тайна" матеріалистическаго объясненія исторіи открыта. Но Фейербахъ не могъ рѣшить ее. Въ исторіи онъ,—подобно французскимъ матеріалистамъ XVIII вѣка, съ которыми у него было много общаго,—оставался идеалистомъ Тутъ Марксу-Энгельсу приходилось строить наново, пользуясь тѣмъ теоретическимъ матеріаломъ, который былъ накопленъ къ тому времени общественной наукой, а преимущественно французскими историками эпохи

реставраціи. Но и тутъ философія Фейербаха все-таки давала имъ нѣкоторыя драгоцѣнныя указанія: Фейербахъ говоритъ: „искуство религія, философія и наука суть лишь проявленія или откровенія человѣческой сущности.“ [1]) Отсюда слѣдуетъ, что „человѣческая сущность“ заключаетъ въ себѣ объясненіе всѣхъ идеологій, т. е. что развитіе этихъ послѣднихъ обусловливается развитіемъ „человѣческой сущности“. Что же она такое? Фейербахъ отвѣчаетъ: „сущность человѣка заключается лишь въ общности, въ единствѣ человѣка съ человѣкомъ“. [2]) Это очень неопредѣленно. И тутъ мы видимъ передъ собою предѣлъ, дальше котораго не пошелъ Фейербахъ. Но за этимъ предѣломъ какъ разъ и начинается область найденнаго Марксомъ-Энгельсомъ матеріалистическаго объясненія исторіи: это объясненіе указываетъ намъ именно тѣ причины, которымъ опредѣляется, въ ходѣ развитія человѣка, „общность единства человѣка съ человѣкомъ“, т. е. тѣ взаимныя отношенія, въ которыя люди вступаютъ между собою Этотъ предѣлъ не только о т д ѣ л я е т ъ Маркса отъ Фейербаха, но и свидѣтельствуетъ объ его б л и з о с т и къ нему.

Шестой тезисъ о Фейербахѣ говоритъ, что с у щ н о с т ь ч е л о в ѣ к а е с т ь с о в о к у п н о с т ь в с ѣ х ъ о б щ е с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і й. Это гораздо опредѣленнѣе нежели то, что говорилъ самъ Фейербахъ; но здѣсь едва-ли не яснѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, обнаруживается тѣсная генетическая связь міросозерцанія Маркса съ философіей Фейербаха.

Когда Марксъ писалъ этотъ тезисъ, онъ уже зналъ

---

[1]) Werke, II, 343.
[2]) Werke II. 344.

не только то направленіе, въ которомъ слѣдовало искать рѣшенія задачи, но также и самое ея рѣшеніе. Въ своей „Критикѣ Гегелевской философіи права“ онъ показалъ, что взаимныя отношенія людей въ обществѣ, „правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни,—писалъ онъ тамъ,—не могутъ быть объяснены ни сами собой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ человѣческой жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII-го столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатоміи же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи“.

Теперь оставалось только объяснить происхожденіе и развитіе экономіи, чтобы имѣть полное рѣшеніе той задачи, съ которой матеріализмъ не могъ справиться въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Это объясненіе и было дано Марксомъ-Энгельсомъ.

Само собою разумѣется, что, говоря о полномъ рѣшеніи этой великой задачи, мы имѣемъ въ виду лишь ея общее, алгебраическое рѣшеніе, которой матеріализмъ не могъ рѣшить въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Само собою разумѣется, что, говоря о полномъ рѣшеніи, мы имѣемъ въ виду не ариѳметику общественнаго развитія, а его алгебру; не указаніе причинъ отдѣльныхъ явленій, а указаніе того, какъ надо подходить къ открытію этихъ причинъ. А это значитъ, что матеріалистическое объясненіе исторіи имѣло прежде всего методологическое значеніе. Это прекрасно понималъ Энгельсъ, когда писалъ: „намъ нужны не столько голые результаты, сколько изученіе (das Studium); результаты—ничто, если брать ихъ не-

зависимо отъ ведущаго къ нимъ развитія“ [1]). Но этого не понимаютъ подчасъ ни „критики Маркса“, которымъ, какъ говорится, Богъ проститъ, ни нѣкоторые изъ его „послѣдователей“, что гораздо хуже. Микель Анджело говорилъ о себѣ. „Мои знанія породятъ множество невѣждъ“. И это его пророчество, къ сожалѣнію, оправдалось. Теперь невѣждъ порождаютъ Марксовы знанія. Винить въ этомъ надо, конечно, не Маркса, а тѣхъ, которые говорятъ вздоръ во имя его. Но чтобы избѣжать вздора, необходимо именно понять методологическое значеніе историческаго матеріализма.

V.

Вообще одной изъ самыхъ великихъ заслугъ Маркса и Энгельса передъ матеріализмомъ является выработка ими правильнаго метода. Сосредоточивъ свои усилія на борьбѣ со спекулятивнымъ элементомъ въ философіи Гегеля, Фейербахъ мало оцѣнилъ и использовалъ ея діалектическій элементъ, Онъ говоритъ: истинная діалектика есть вовсе не діалогъ уединеннаго мыслителя съ самимъ собою; она есть діалогъ между я и ты“ [2]). Но, во первыхъ, у Гегеля діалектика тоже не имѣла значенія „діалога уединеннаго мыслителя съ самимъ собою; а во-вторыхъ замѣчаніе Фейербаха правильно опредѣляетъ исходную точку философіи, но не ея методъ. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ Марксомъ-Энгельсомъ, которые поняли, что ошибочно было бы

[1]) Nachlass, I, 477.
[2]) Werke. II 345.

борясь со спекулятивной философіей Гегеля, игнорировать его діалектику. Нѣкоторые критики утверждали, что въ первое время послѣ своего разрыва съ идеализмомъ Марксъ тоже относился къ діалектикѣ съ большимъ равнодушіемъ. Но это мнѣніе, имѣющее нѣкоторый видъ вѣроятности, опровергается тѣмъ, указаннымъ нами выше, фактомъ, что уже въ „Deutsch-Französischen Jahrbüchern" Энгельсъ говорилъ, о методѣ, какъ о душѣ новѣйшей системы взглядовъ [1]). И во всякомъ случаѣ вторая часть „Нищеты Философіи" совсѣмъ не оставляетъ мѣста для сомнѣнія въ томъ, что въ эпоху своей полемики съ Прудономъ Марксъ прекрасно понималъ значеніе діалектическаго метода и умѣлъ хорошо пользоваться имъ. Побѣда Маркса надъ Прудономъ въ этомъ спорѣ была побѣдой человѣка, умѣвшаго мыслить діалектически, надъ человѣкомъ, не съумѣвшимъ выяснить себѣ природу діалектики, но пытавшимся примѣнить ея методъ къ анализу капиталистическаго общества. И та же вторая часть „Нищеты Философіи" показываетъ, что уже въ то время діалектика, которая имѣла у Гегеля чисто идеалистическій характеръ, и которая сохранила таковой у Прудона,—поскольку она вообще была усвоена имъ,—была поставлена Марксомъ на матеріалистическую основу [2]).

Въ послѣдствіи, характеризуя свою матеріали-

---

[1]) Энгельсъ имѣлъ въ виду не лично себя, а всѣхъ вообще своихъ единомышленниковъ: „Wir bedürfen", говорилъ онъ, къ числу же его единомышленниковъ несомнѣнно, принадлежалъ и Марксъ.

[2]) См. „Нищету Философіи", часть II „замѣчанія" первое и второе.

стическую діалектику, Марксъ писалъ: „для Геrеля, логическій процессъ, превращающійся у него, подъ именемъ Идеи, въ самостоятельнаго субъекта, есть Деміургъ дѣйствительности, которая составляетъ только его внѣшнее проявленіе. Для меня же, какъ разъ наоборотъ, идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ матеріальное“. Эта характеристика предполагаетъ полное согласіе съ Фейербахомъ, во первыхъ, во взглядѣ на Гегелеву „идею“, а, во-вторыхъ на отношеніе мышленія къ бытію. „Поставить на ноги“ Гегелеву діалектику могъ только человѣкъ, убѣжденный въ правильности основного положенія философіи Фейербаха: не мышленіе обусловливаетъ бытіе, а бытіе—мышленіе.

Діалектику многіе смѣшиваютъ съ ученіемъ о развитіи и она, въ самомъ дѣлѣ, есть такое ученіе. Но діалектика существенно отличается отъ вульгарной „теоріи“ эволюціи“, которая цѣликомъ построена на томъ принципѣ, что ни природа, ни исторія не дѣлаютъ скачковъ, и что всѣ измѣненія совершаются въ мірѣ лишь постепенно. Еще Гегель показалъ, что, понятое такимъ образомъ ученіе о развитіи смѣшно и несостоятельно.

«Когда хотятъ понять возникновеніе или исчезновеніе чего либо,—говоритъ онъ въ первомъ томѣ своей «Логики»,—то воображаютъ обыкновенно, что уясняютъ себѣ дѣло посредствомъ представленія о постепенности такого возникновенія или уничтоженія. Однако, измѣненія бытія совершаются не только путемъ перехода одного количества въ другое, но также путемъ перехода качественныхъ различій въ количественныя и наоборотъ, того перехода, который прерываетъ постепенность, ставя на мѣсто

одного явленія другое“ [1]). И всякій разъ, когда прерывается постепенность, происходитъ скачекъ. Гегель показываетъ далѣе цѣлымъ рядомъ примѣровъ, какъ часто имѣютъ мѣсто скачки и въ природѣ, и въ исторіи, и обнаруживаетъ смѣшную логическую ошибку, лежащую въ основѣ вульгарной „теоріи эволюціи“. „Въ основѣ ученія о постепенности,—замѣчаетъ онъ,—лежитъ представленіе о томъ, что возникающее уже существуетъ въ дѣйствительности и остается незамѣтнымъ только вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ. Точно также, говоря о постепенномъ уничтоженіи, воображаютъ, будто не бытіе даннаго явленія, или то новое явленіе которое должно занять его мѣсто, уже находится на лицо, хотя пока еще и незамѣтно... Но такимъ образомъ устраняется всякое понятіе о возникновеніи и уничтоженіи... Объяснять возникновеніе или уничтоженіе постепенностью измѣненія значитъ сводить все дѣло къ скучной тавтологіи и представлять себѣ возникающее или уничтожающееся въ уже готовомъ видѣ“ (т. е. уже возникшимъ или уже уничтожившимся. Г. П.) [2]).

Этотъ діалектическій взглядъ Гегеля на неизбѣжность скачковъ въ процессѣ развитія былъ полностью усвоенъ Марксомъ и Энгельсомъ. Энгельсъ подробно развиваетъ его въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ, при чемъ онъ и его „ставитъ на ноги“, т. е. на матеріалистическій фундаментъ.

Такъ, онъ указываетъ, что переходъ одного вида

[1]) Wissenschaft der Logik, erster Band, Nürhberg 1812, s. s. 313—314.

[2]) По вопросу о „скачкахъ“ см. нашу брошюру: „Горе г. Тихомирова“, С.-Петербургъ, изд. М. Малыхъ, стр. 6—14.

энергіи въ другой не можетъ совершиться иначе, какъ посредствомъ скачка [1]). Такъ, онъ ищетъ въ современной химіи подтвержденія діалектической теоремы о переходѣ количества въ качество [2]). Вообще права діалектическаго мышленія подтверждаются у него діалектическими свойствами бытія. Бытіе и здѣсь обусловливаетъ собою мышленіе.

Не входя въ болѣе подробную характеристику матеріалистической діалектики, (объ ея отношеніи къ тому, что можно назвать низшей логикой въ параллель съ низшей математикой, см. въ нашемъ предисловіи къ нашему переводу брошюры „Людвигъ Фейербахъ"), мы напомнимъ читателю, что въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія теорія, видящая въ процессѣ развитія одни только постепенныя измѣненія, стала терять подъ ногами почву даже въ біологіи, гдѣ она раньше пользовалась едва ли не всеобщимъ признаніемъ. Въ этомъ отношеніи работамъ Армана Готье и Гуго де Фриса—суждено, повидимому, составить эпоху. Достаточно сказать что созданная де-Фрисомъ теорія мутацій представляетъ собою ученіе о скачкообразномъ развитіи видовъ (см. его двухъ-томное сочиненіе: „Die Mutations Theorie" Leipzig 1901—1903; его рефератъ: Die Mutationen und die Mutations-Perioden bei der Entstehung der Arten, Leipzig 1901, и его же лекціи, читанныя въ Калифорнскомъ

[1]) Bei aller Allmäligkeit bleibt der Uebergang von—einer Bewegungsform zur andern immer ein Sprung, eine entscheidende Wendung. So der Uebergang von der Mechanik der Weltkörper zu der kleineren Massen auf einem einzelnen Weltkörper; ebenso von der Mechanik der Massen zu der Mechanik der Moleküle—die Bewegungen umfassend, die wir in der eigentlich sogenannten Physik untersuchen" и т. д. Dühring's Umwälzung, стр. 57.

[2]) Ibid. S. 128 и слѣд.

университетѣ и появившіяся въ нѣмецкомъ переводѣ подъ названіемъ: „Arten und Varietäten und ihre Entstehung durch die Mutation“, Berlin 1906).

По мнѣнію этого выдающагося натуралиста, слабою стороной Дарвиновой теоріи происхожденія видовъ является именно та мысль, что это происхожденіе можетъ быть объяснено постепенными измѣненіями [1]). Интересно также и очень мѣтко то замѣчаніе де-Фриса, что господство теоріи постепенныхъ измѣненій въ ученіи о происхожденіи видовъ было неблагопріятно для экспериментальнаго изслѣдованія относящихся сюда вопросовъ [2]).

Къ этому полезно прибавить еще вотъ что. Въ современномъ естествознаніи довольно быстро распространяется, преимущественно между нео-ламаркистами, ученіе о такъ называемой одушевленности матеріи, т. е. о томъ, что матерія вообще, а особенно всякая организованная матерія, обладаетъ извѣстною степенью чувствительности. Это ученіе, разсматриваемое нѣкоторыми, какъ прямая противоположность матеріализму (см. напримѣръ, книгу Р. Г. Франсэ „Der heutige Stand der Darwin'schen Fragen, Leipzig 1907), на самомъ дѣлѣ представляетъ собою,—будучи правильно понято—лишь переводъ на языкъ новѣйшаго естественнаго матеріалистическаго ученія Фейрбаха объ единствѣ бытія и мышленія, объекта и субъекта [3]). Можно съ увѣренностью утвер-

1) Die Mutationen, s. s. 7—8.

2) Artenetc., s. 421.

3) Не нужно, впрочемъ, забывать, что къ ученію объ „одушевленности матеріи“ склонялись многіе французскіе матеріалисты XVIII вѣка. О Спинозѣ мы уже не говоримъ.

ждать, что усвоившіе это ученіе Марксъ и Энгельсъ отнеслись бы къ указанному, — пока еще, правда, очень плохо разработанному, — направленію въ естествознаніи съ самымъ живымъ интересомъ.

Герценъ справедливо говоритъ, что философія Гегеля, которую многіе считали консервативной по преимуществу, есть настоящая алгебра революціи. Но у Гегеля эта алгебра оставалась безъ всякаго примѣненія къ жгучимъ вопросамъ практической жизни. Спекулятивный элементъ по необходимости вносилъ въ философію великаго абсолютнаго идеалиста духъ консерватизма. Совершенно другое видимъ мы въ матеріалистической философіи Маркса. Революціонная „алгебра“ выступаетъ въ ней во всей непреодолимой силѣ своего діалектическаго метода. Марксъ говоритъ: „Въ своемъ мистифицированномъ видѣ діалектика была нѣмецкой модой, потому что она какъ будто оправдывала существующій порядокъ вещей. Въ своемъ раціональномъ видѣ она непріятна буржуазіи и ея теоретикамъ, потому что она, объясняя существующее, объясняетъ также и его отрицаніе и его неизбѣжное уничтоженіе; потому что она разсматриваетъ каждую данную форму въ ходѣ движенія, т. е., стало быть, съ преходящей стороны; потому что она не останавливается ни передъ чѣмъ, будучи критической и революціонной по существу“.

Смотря на вопросъ о матеріалистической діалектикѣ съ точки зрѣнія исторіи русской литературы, можно сказать, что она впервые давала необходимый и достаточный методъ для разрѣшенія того вопроса о разумности всего дѣйствительнаго, надъ которымъ такъ мучительно бился нашъ геніальный Бѣ-

линскій [1]). Только діалектическій методъ Маркса, будучи приложенъ къ изученію русской жизни, показалъ намъ, что было въ ней дѣйствительнымъ, и что только казалось таковымъ.

VI.

Приступая къ матеріалистическому объясненію исторіи, мы прежде всего наталкиваемся, какъ мы видѣли, на вопросъ о томъ, гдѣ лежатъ дѣйствительныя причины развитія общественныхъ отношеній. И мы уже знаемъ, что „анатомія гражданскаго общества“ опредѣляется его экономіей. Но чѣмъ же опредѣляется эта послѣдняя?

На это Марксъ отвѣчаетъ такъ: „Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди наталкиваются на извѣстныя необходимыя, отъ ихъ воли независящія отношенія—отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка [2]).

Этимъ отвѣтомъ Маркса весь вопросъ о развитіи экономіи сводится, стало быть, къ тому, какими причинами обусловливается развитіе производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи общества. А въ этой своей послѣдней формѣ онъ рѣшается прежде

[1]) См. нашу статью: „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“ въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“.

[2]) См. предисловіе къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“; есть русскій переводъ.

всего указаніемъ на свойства географической среды.

Уже Гегель въ своей философіи исторіи отмѣчаетъ важную роль „географической подкладки всемірной исторіи“. Но такъ какъ причиной всякаго развитія у него является, въ послѣднемъ счетѣ, Идея; такъ какъ онъ только мимоходомъ и только во второстепенныхъ случаяхъ прибѣгалъ, какъ бы противъ воли, къ матеріалистическому объясненію явленій, то высказанный имъ глубоко вѣрный взглядъ на великое историческое значеніе географической среды не могъ привести его ко всѣмъ тѣмъ плодотворнымъ выводамъ, которые изъ него вытекаютъ. Эти выводы были сдѣланы въ ихъ полнотѣ только матеріалистомъ Марксомъ.

Свойства географической среды опредѣляютъ собою характеръ какъ тѣхъ предметовъ природы, которые служатъ человѣку для удовлетворенія его потребностей, такъ и тѣхъ, которые производятся имъ самимъ съ той же цѣлью. Тамъ, гдѣ не было металловъ, туземныя племена не могли собственными силами выйти за предѣлы того, что мы называемъ каменнымъ вѣкомъ. Точно также и для перехода первобытныхъ рыболововъ и охотниковъ къ скотоводству и земледѣлію нужны были соотвѣтствующія свойства географической среды, т. е. въ данномъ случаѣ—соотвѣтствующія фауна и флора. Л. Г. Морганъ замѣчаетъ, что отсутствіе способныхъ къ прирученію животныхъ въ западномъ полушаріи и специфическія различія во флорѣ обоихъ полушарій причинили большія различія въ ходѣ общественнаго развитія ихъ обитателей [1]). Вайцъ говоритъ о краснокожихъ

---

[1]) Die Urgesellschaft, Stuttgart 1891, s. s. 20—21.

сѣверной Америки: „У нихъ совсѣмъ нѣтъ домашнихъ животныхъ. Это очень важно, потому что въ этомъ обстоятельствѣ заключается главная причина, вынуждающая ихъ оставаться на низшей ступени развитія“ [1]. Швейнфуртъ сообщаетъ, что когда въ Африкѣ данная мѣстность оказывается перенаселенной, то часть ея жителей выселяется, при чемъ она иногда мѣняетъ свой образъ жизни въ зависимости отъ географической среды: „Племена, занимавшіяся до тѣхъ поръ земледѣліемъ, становятся охотничьими, а племена, жившія отъ своихъ стадъ, переходятъ къ земледѣлію“ [2]. По его же словамъ, жители богатой желѣзомъ мѣстности, охватывающей значительную часть центральной Африки, «естественно стали заниматься добываніемъ желѣза“ [3].

Но это еще не все. Уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія человѣческія племена вступаютъ во взаимныя сношенія, обмѣниваясь другъ съ другомъ нѣкоторыми изъ своихъ произведеній. Этимъ раздвигаются предѣлы географической среды, вліяющей на развитіе производительныхъ силъ каждаго изъ этихъ племенъ, и ускоряется ходъ этого развитія. Но понятно, что большая или меньшая легкость возникновенія и поддержанія подобныхъ сношеній также зависитъ отъ свойствъ географической среды: еще Гегель говорилъ, что моря и рѣки сближаютъ людей, между тѣмъ какъ горы ихъ раздѣляютъ. Впрочемъ, моря сближаютъ людей только на сравнительно болѣе высокихъ ста-

---

[1]) Au coeur de l'Afrique, Paris 1875, tome I, p. 199.

[2]) Ibid, t. II, p. 94.

[3]) О вліяніи климата на земледѣліе см. также у Ратцеля: „Die Erde und das Leben“, Leipzig und Wien 1902 II Band, s. s. 540—541.

діяхъ развитія производительныхъ силъ; на болѣе же низкихъ—море, по справедливому замѣчанію Ратцеля, очень сильно затрудняетъ сношенія между раздѣленными имъ племенами [1]). Но какъ бы тамъ ни было а несомнѣнно, что чѣмъ разнообразнѣе свойства географической среды, тѣмъ благопріятнѣе она для развитія производительныхъ силъ. „Не абсолютное плодородіе почвы,—говоритъ Марксъ, — а ея дифференцированіе, разнообразіе ея естественныхъ произведеній составляетъ естественную основу общественнаго раздѣленія труда и заставляетъ человѣка, въ силу разнообразія окружающихъ его естественныхъ условій, разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы производства“ [2]). Почти слово въ слово тоже повторяетъ за Марксомъ Ратцель: „Главное дѣло не въ наибольшей легкости добыванія пищи, а въ возбужденіи извѣстныхъ наклонностей, привычекъ и, наконецъ, потребностей въ человѣкѣ“ [3])

Итакъ, свойства географической среды обусловливаютъ собою развитіе производительныхъ силъ; развитіе же производительныхъ силъ обусловливаетъ собою развитіе экономическихъ, а вслѣдъ за ними и всѣхъ другихъ общественныхъ отношеній. Марксъ поясняетъ это слѣдующими словами: „Въ зависимости отъ характера производительныхъ силъ измѣняются и общественныя отношенія производителей другъ къ другу, измѣняются условія ихъ совмѣстной дѣятельности и ихъ участія во всемъ ходѣ производства. Съ изобрѣ-

[1]) Anthropogeographie, Stuttgart, 1882, стр. 29.

[2]) Das Kapital, I Band, III Auflage, S. S. S. 524—526.

[3]) Völker Kunde, I Band, Leipzig 1887, S. 56.

теніемъ новаго военнаго орудія, огнестрѣльнаго оружія, необходимо должна была измѣниться вся внутренняя организація арміи, ровно какъ и всѣ тѣ взаимныя отношенія, въ которыхъ стоятъ входящія въ составъ арміи лица, и благодаря которымъ она представляетъ собой организованное цѣлое; наконецъ, измѣнились также и взаимныя отношенія цѣлыхъ армій" [1]).

Чтобы сдѣлать это поясненіе еще болѣе нагляднымъ, приведемъ примѣръ. Мазаи, въ восточной Африкѣ, убиваютъ своихъ плѣнниковъ, потому что,—какъ говоритъ Ратцель,—это пастушеское племя еще не имѣетъ технической возможности воспользоваться ихъ подневольнымъ трудомъ. А сосѣдніе съ этими пастухами земледѣльцы Вакамба имѣютъ возможность использовать этотъ трудъ и потому оставляютъ своимъ плѣнникамъ жизнь, обращая ихъ въ рабство. Возникновеніе рабства предполагаетъ, стало быть, достиженіе извѣстной ступени въ развитіи общественныхъ силъ, позволяющей эксплуатировать трудъ невольниковъ [2]). Но рабство есть такое производ-

[1]) Наполеонъ I, говоритъ: „La nature des armes décide de la composition des armées, des places de campagne, des marches, des positions, des ordres de bataille, du tracé et des profils des places fortel; ce que met une opposition constante entre le systéme de guerre des anciens et celui des modernes". Précis des guerres de césar, Paris 1836, pp. 87—88.

[2]) Völkerkunde, 1, 83. Надо, впрочемъ, замѣтить, что обращеніе въ рабство сводится иногда, на первыхъ ступеняхъ развитія къ насильственному принятію плѣнниковъ въ общественную организацію побѣдителей на равныхъ правахъ съ ними, Тутъ нѣтъ пользованія прибавочнымъ трудомъ плѣнника, а есть только общая выгода, проистекающая отъ сотрудничества съ нимъ. Но этотъ видъ рабства предполагаетъ наличность извѣстныхъ производительныхъ силъ и извѣстной организаціи производства.

ственное отношеніе, съ появленіемъ котораго начинается раздѣленіе на классы общества, знавшаго прежде лишь раздѣленія, соотвѣтствующія поламъ и возрастамъ. Когда рабство достигаетъ полнаго развитія, оно накладываетъ свою печать на всю экономію общества, а черезъ посредство экономіи на всѣ прочія общественныя отношенія и прежде всего на политическій строй. Какъ ни различались между собою по своему политическому устройству античныя государства, но ихъ главная отличительная черта состояла въ томъ, что каждое изъ нихъ было политической организаціей, выражавшей и защищавшей интересы однихъ свободныхъ людей.

VII.

Мы знаемъ теперь, что развитіе производительныхъ силъ, опредѣляющее собою, въ послѣднемъ счетѣ, развитіе всѣхъ общественныхъ отношеній, опредѣляется свойствами географической среды. Но, разъ возникнувъ, данныя общественныя отношенія сами оказываютъ большое вліяніе на развитіе производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, то, что первоначально является слѣдствіемъ, въ свою очередь становится причиной; между развитіемъ производительныхъ силъ и общественнымъ строемъ возникаетъ взаимодѣйствіе, въ различныя эпохи принимающее самые разнообразные виды.

Надо помнить также, что если даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ обусловливаются существующія въ данномъ обществѣ внутреннія отношенія, то отъ того же состоянія зависятъ, въ концѣ кон-

цовъ, и его внѣшнія отношенія. Каждой данной ступени развитія производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ опредѣленный характеръ вооруженія, военнаго искусства и, наконецъ, международнаго, — точнѣе: междуобщественнаго, т. е. между прочимъ и между племеннаго, — права. Охотничьи племена не могутъ создавать крупныхъ политическихъ организацій именно потому, что низкій уровень ихъ производительныхъ силъ вынуждаетъ ихъ, по образному древне-русскому выраженію, разбредаться розно, небольшими общественными группами, въ поискахъ средствъ существованія. А чѣмъ больше „разбредаются розно" эти общественныя группы, тѣмъ неизбѣжнѣе становится разрѣшеніе путемъ болѣе или менѣе кровавой борьбы даже такихъ ссоръ, которыя въ цивилизованномъ обществѣ легко могли бы быть рѣшены въ камерѣ мирового судьи. Эйръ говоритъ, что когда нѣсколько австралійскихъ племенъ сходится между собою для извѣстныхъ цѣлей въ опредѣленной мѣстности, то такія сближенія никогда не бываютъ продолжительными: еще прежде чѣмъ австралійцевъ заставитъ разойтись недостатокъ пищи или необходимость заняться преслѣдованіемъ дичи, между ними начинаются враждебныя столкновенія, очень скоро ведущія, какъ извѣстно, къ битвамъ [1]).

Всякій понимаетъ, что подобныя столкновенія могутъ происходить по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Но замѣчательно, что большинство путешественниковъ приписываютъ ихъ экономическимъ причинамъ.

---

[1]) Ed. J, Eure. Manners and Customs ot the Aborigi nes of the Australia, London, 1847, p 243.

Когда Стенлей спросилъ нѣсколько туземцевъ въ экваторіальной Африкѣ, какъ возникаютъ ихъ войны съ сосѣдними племенами, ему отвѣтили: „Наши ребята пойдутъ на охоту; сосѣди станутъ ихъ прогонять; тогда мы нападаемъ на сосѣдей, а они на насъ, и мы деремся пока не надоѣстъ или пока какая-нибудь сторона не окажется побѣжденной[1]). Подобно этому, Бертонъ говоритъ: „Всѣ войны въ Африкѣ вызываются только двумя причинами: похищеніемъ скота или захватомъ людей[2]). Ратцель считаетъ вѣроятнымъ, что въ Новой Зеландіи войны между туземцами не рѣдко вызывались простымъ желаніемъ полакомиться человѣчьимъ мясомъ[3]). Но большая склонность туземцевъ къ людоѣдству сама объясняется бѣдностью тамошней фауны.

Всякій знаетъ, какъ много зависитъ исходъ войны отъ вооруженія каждой изъ воюющихъ сторонъ. А ихъ вооруженіе опредѣляется состояніемъ ихъ производительныхъ силъ, ихъ экономіей и ихъ общественными отношеніями, выросшими на основѣ экономіи[4]).

---

[1]) Dans les Tenèbres, de'Afrique Paris 1890, Tome II, p. 91.

[2]) Burton. Voyage aux grands lacs de l'Afrique orientalle Paris 1862 p. 666.

[3]) Jbid. S. 93.

[4]) Это хорошо разъяснено Энгельсомъ въ тѣхъ главахъ Анти-Дюринга, которыя посвящены разбору „теоріи насилія". См. также книгу „Les maitres de la guerre". par le lieutenant-colonele Rouset, professeur à l'ecole supérieure de la guerre, Paris 1901. Авторъ этой книги, излагающій взгляды генерала Банналя, говоритъ: „Соціальное состояніе каждой данной исторической эпохи имѣетъ преобладающее вліяніе не только на военный организмъ націи, но еще и на характеръ, на способности и на стремленія военныхъ людей. Обыкновенные генералы пользуются обычными методами, употребляютъ въ дѣло обычныя средства и побѣждаютъ или теряютъ пораженія смотря по обстоятельствамъ... Что же касается

Сказать, что такіе то народы или племена были завоеваны другими народами, еще не значитъ объяснить, почему соціальныя послѣдствія ихъ завоеванія были именно такія, а не какія-нибудь другія. Соціальныя послѣдствія завоеванія Галліи римлянами были совсѣмъ не тѣ, которыя получились отъ завоеванія той же страны германцами. Соціальныя послѣдствія завоеванія Англіи норманнами были совсѣмъ не тѣ, которыя произошли отъ завоеванія Россіи монголами Во всѣхъ этихъ случаяхъ разница обусловливались въ послѣдней инстанціи различіемъ въ экономическомъ строѣ общества, подвергавшагося завоеванію, съ одной стороны, и общества, совершавшаго это завоеваніе съ другой. Чѣмъ болѣе развиваются производительныя силы даннаго племени или народа, тѣмъ болѣе увеличивается для него по крайней мѣрѣ, возможность лучше вооружить себя для борьбы за существованіе.

Однако, это общее правило допускаетъ много достойныхъ замѣчанія исключеній. На низшихъ стадіяхъ развитія производительныхъ силъ въ вооруженіи пле-

—

великихъ полководцевъ, то они подчиняютъ своему генію средства и пріемы борьбы" (стр. 2). Какъ? Это самое интересное. Оказывается, что они, „руководствуясь чѣмъ-то въ родѣ инстинктивной догадки, преобразуютъ и средства, и пріемы сообразно параллельнымъ законамъ соціальной эволюціи, рѣшительное вліяніе которой на технику военнаго искусства оцѣнивается ими однимп" (та же стр.) значитъ остается открыть причинную связь „соціальной эволюціи" съ экономическимъ развитіемъ общества, чтобы дать матеріалистическое объясненіе наиболѣе, по видимому, неожиданнымъ успѣхамъ военнаго дѣла. Самъ Руссо очень недалекъ отъ такого объясненія. Историческій очеркъ новѣйшаго искусства, дѣлаемый имъ на основаніи неизданныхъ работъ ген. Банналя, очень похожъ на тотъ, который мы находимъ въ указаніяхъ Энгельса. Мѣстами сходство приближается къ полному тожеству.

менъ, находящихся на весьма различныхъ стадіяхъ экономическаго развитія,—напримѣръ: кочующихъ пастуховъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ,—не можетъ быть такой большою, какою она становится впослѣдствіи. Кромѣ того, движеніе по пути экономическаго развитія, оказывая существенное вліяніе на характеръ даннаго народа, иногда до такой степени уменьшаетъ его воинственность, что онъ становится не въ силахъ сопротивляться болѣе отсталому въ экономическомъ отношеніи, но за то болѣе привычному къ войнѣ непріятелю. Вотъ почему мирныя земледѣльческія племена нерѣдко подвергаются завоеванію со стороны воинственныхъ народовъ. Ратцель замѣчаетъ, что самыя прочныя государственныя организаціи получаются у „полукультурныхъ народовъ“ въ результатѣ соединенія,—путемъ завоеванія,—обоихъ этихъ элементовъ: земледѣльческаго и пастушескаго [1]). Какъ ни справедливо въ общемъ это замѣчаніе, надо, однако помнить, что даже и въ такихъ случаяхъ, — хорошій тому примѣръ: Китай, — экономически отсталые завоеватели мало-по-малу вполнѣ подчиняются вліянію болѣе развитого въ экономическомъ отношеніи завоеваннаго народа.

Географическая среда имѣетъ большое вліяніе не только на первобытныя племена, но также и на такъ называемые культурные народы. „Необходимость установить общественный контроль надъ извѣстной силой природы для ея эксплуатаціи въ большихъ размѣрахъ, для ея подчиненія человѣку посредствомъ организованныхъ человѣческихъ усилій,- говоритъ Марксъ,— играетъ самую рѣшительную роль въ исторіи промы-

[1]) Тамъ же, S. 19.

шленности. Таково было значеніе регулированія воды въ Египтѣ, въ Ломбардіи, въ Голландіи или въ Персіи и въ Индіи, гдѣ орошеніе посредствомъ искусственныхъ каналовъ приноситъ землѣ не только необходимую воду, но въ то же время, ея илъ, минеральное удобреніе съ горъ. Тайна промышленнаго процвѣтанія Испаніи и Сициліи при арабахъ заключается въ канализаціи [1]).

Ученіе о вліяніи географической среды на историческое развитіе человѣчества часто сводилось къ признанію непосредственнаго вліянія „климата“ на общественнаго человѣка: предполагалось, что одна „раса“ становилась подъ вліяніемъ „климата“ свободолюбивой; другая — склонной терпѣливо подчиняться власти болѣе или менѣе деспотическаго монарха; третья—суевѣрной и потому зависимой отъ духовенства и т. п. Такой взглядъ преобладаетъ, напримѣръ, еще у Бокля [2]). По Марксу, географическая среда

---

[1]) Das Kapital, ibid. SS. 524—526.

[2]) См. его History of civilization in England, vol. I, Leipzig 1865, pp. 36—37. По Боклю, одна изъ четырехъ естественныхъ причинъ, вліяющихъ на складъ народнаго характера, — „общій видъ страны“ (the general Aspect of Nature) вліяетъ главнымъ образомъ на воображеніе, а сильно развитое воображеніе порождаетъ суевѣрія, которыя въ свою очередь замедляютъ развитіе знаній. Частыя землетрясенія въ Перу, повліявъ на воображеніе туземцевъ, оказали свое вліяніе и на политическій строй. Если испанцы и итальянцы суевѣрны, то это происходитъ опять таки отъ землетрясенія и вулканическихъ изверженій (тамъ же, стр. 112—113). Это непосредственно — психологическое вліяніе особенно сильно на первыхъ стадіяхъ культурнаго развитія. Но современная наука устанавливаетъ наоборотъ, поразительное сходство религіозныхъ вѣрованій первобытныхъ племенъ, находящихся одинаковой степени экономическаго развитія. Взглядъ Бокля, за-

вліяетъ на человѣка черезъ посредство производственныхъ отношеній, возникающихъ въ данной мѣстности на основѣ данныхъ производительныхъ силъ, первымъ условіемъ развитія которыхъ являются свойства этой среды. Современная этнологія все болѣе и болѣе переходитъ на эту точку зрѣнія. И сообразно съ этимъ все меньшая и меньшая роль въ исторіи „культуры“ отводится ею „расѣ“. „Обладаніе извѣстными культурными пріобрѣтеніями не имѣетъ ничего общаго съ расой“,—говоритъ Ратцель [1]).

Но разъ достигнуто данное „культурное“ состояніе, оно, несомнѣнно, вліяетъ на физическія и психическія свойства „расы“ [2]).

Вліяніе географической среды на общественнаго человѣка представляетъ собою перемѣнную величину. Обусловливаемое свойствами этой среды развитіе производительныхъ силъ увеличиваетъ власть человѣка надъ природой и тѣмъ самымъ ставитъ его въ новое отношеніе къ окружающей его

имствованный этимъ послѣднимъ отъ писателей XVIII вѣка, былъ высказанъ еще Гиппократомъ. (См. Des aires, des laut et des lieux, traduction de Coray, Paris 1800, парагр. 76, 85, 86, 88 и т. д.).

[1]) Völker kunde, I, S. 10. Еще Милль, повторяя слова „одного изъ величайшихъ мыслителей нашего времени“, говорилъ: „of all vulgar modes of escaping from the consideration of the effect of social and moral influences of the human mind, tqe most Vulgar is that of attributing the diversities of conduct and character to inherent natnral differences“. Principles of political Economy, Vol. I, p. 390.

[2]) О расѣ см. интересную работу Ж. Фино: Le prèjugè des races, Paris 1905.

географической средѣ; нынѣшніе англичане реагируютъ на эту среду совсѣмъ не такъ, какъ реагировали на нее племена, населявшія Англію во время Юлія Цезаря. Этимъ окончательно устраняется то возраженіе, что характеръ населенія данной мѣстности можетъ существенно измѣниться, несмотря на то, что ея географическія свойства остаются неизмѣнными.

VIII.

Порождаемыя данной экономической структурой правовыя и политическія отношенія [1]) оказываютъ рѣшительное вліяніе на всю психику общественнаго человѣка. Марксъ говоритъ: „На различныхъ формахъ общественности, на общественныхъ условіяхъ существованія возвышается цѣлая надстройка различныхъ своеобразныхъ чувствъ и иллюзій, взглядовъ и понятій“. Бытіе опредѣляетъ собою мышленіе. И можно сказать, что каждый новый шагъ, дѣлаемый наукой въ объясненіи процесса историческаго развитія, является

[1]) О вліяніи экономики на складъ общественныхъ отношеній см. Энгельса: Der Urspung der Familie, des Privateigenthums und des Staats, achte Auflage, Stuttgart 1900, Р. Гильдебранда: Recht und Sitte auf verschiedenen Kulturstufen, 1-er Th. Iena 1896, къ сожалѣнію, Гилльдебрандъ плохо владѣетъ экономическимъ матеріаломъ. Интересная брошюра Т. Ахелиса: Rechtsentstehung und Rechtsgeschichte, Leipzig 1904, разсматривая право, какъ продуктъ развитія общественной жизни, не углубляетъ вопроса о томъ, чѣмъ обусловливается развитіе этой послѣдней. Въ книгѣ М. А. Ваккаро: Les bases sociologiques du droit et de l'etat, Paris 1898, разсыпано не мало отдѣльныхъ замѣчаній, проливающихъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны предмета; но въ общемъ Ваккаро самъ еще не разобрался въ вопросѣ.

новымъ доводомъ въ пользу этого основного положенія новѣйшаго матеріализма.

Уже въ 1877 г. Людвигъ Нуаре писалъ: „Языкъ и жизнь разума вытекли изъ совмѣстной дѣятельности, направленной къ достиженію общей цѣли, изъ первобытной работы нашихъ предковъ [1]. Развивая далѣе эту замѣчательную мысль, Л. Нуаре указывалъ на то, что первонально языкъ обозначаетъ предметы объективнаго міра не какъ имѣющіе извѣстный образъ, а какъ получившіе таковой (nicht als Gestalten, sondern als gestaltete), не какъ активные, оказывающіе извѣстное дѣйствіе, а какъ пассивные, подвергающіеся дѣйствію [2]. И онъ поясняетъ это тѣмъ справедливымъ соображеніемъ, что «всѣ предметы входятъ въ поле зрѣнія человѣка, т. е. дѣлаются для него вещами лишь въ той мѣрѣ, въ какой они подвергаются его воздѣйствію, и сообразно съ этимъ они получаютъ свои обозначенія, т. е. имена» [3]. Короче, человѣческая дѣятельность, по мнѣнію Нуарэ, даетъ содержаніе первоначальнымъ корнямъ языка [4]. Интересно, что Нуаре находилъ первый зародышъ въ своей теоріи въ той мысли Фейербаха, что сущность человѣка состоитъ въ общественности, въ единствѣ человѣка съ человѣкомъ. О Марксѣ онъ, повидимому, не зналъ ничего, потому что въ противномъ случаѣ онъ увидѣлъ бы, что его взглядъ на роль дѣятельности въ образованіи языка ближе къ Марксу, оттѣ-

---

[1]) Der Ursprung der Sprache, Mainz, p 331.

[2]) Ibid, S. 341.

[3]) S. 347.

[4]) S. 369.

нявшему въ своей гносеологіи человѣческую дѣятельность въ противоположность Фейербаху, говорившему преимущественно о „созерцаніи“.

Едва-ли нужно напоминать по поводу теоріи Нуарэ, что характеръ дѣятельности людей въ процессѣ производства опредѣляется состояніемъ ихъ производительныхъ силъ. Это очевидно. Полезнѣе будетъ отмѣтить, что рѣшающее вліяніе бытія на мышленіе особенно ясно видно у первобытныхъ племенъ, общественная и умственная жизнь которыхъ несравненно проще, нежели жизнь цивилизованныхъ народовъ. Фонъ-денъ-Штейненъ пишетъ о туземцахъ центральной Бразиліи, что мы поймемъ ихъ только тогда, когда будемъ ихъ разсматривать, какъ созданіе (Erzeugniss) охотничьяго быта. „Главнѣйшимъ источникомъ ихъ опыта были животныя,—продолжаетъ онъ,—и съ помощью этого опыта... они главнымъ образомъ и объясняли себѣ природу, составляли свое міросозерцаніе“ [1]). Условія охотничьяго быта опредѣлили собою не только міросозерцаніе этихъ племенъ, но также ихъ нравственныя понятія, ихъ чувства и даже, замѣчаетъ тотъ же писатель, эстетическіе вкусы. И совершенно то же мы видимъ у пастушескихъ племенъ. У тѣхъ изъ нихъ, которыхъ Ратцель называетъ односторонними скотоводами,—предметомъ, по крайней мѣрѣ, 99% всѣхъ ихъ разговоровъ является скотъ съ его происхожденіемъ, привычками, достоинствами и недостатками“ [2]). Такими „односторонними скотоводами“ были, напримѣръ, несчастные

---

[1]) Unter den Natur-Völkern Zentral-Brasiliens. Berlin 1894, S. 201.

[2]) Ibid. SS. 205—206.

герреро, съ такой звѣрской жестокостью „усмиренные“ недавно „цивилизованными“ германцами [1]).

Если главнѣйшимъ источникомъ опыта были у первобытнаго охотника животныя, и если все его міросозерцаніе строилось на этомъ опытѣ, то неудивительно, что и вся миѳологія охотничьихъ племенъ,—замѣняющая собою на этой ступени и философію, и теологію, и науку,—почерпаетъ свое содержаніе изъ того же источника. „Что характеризуетъ собою миѳологію бушмэновъ, — говоритъ Эндрью Лэнгъ,—такъ это почти исключительная роль, которую играютъ въ ней животныя. Кромѣ одной старухи, тамъ и сямъ появляющейся въ ихъ безсвязныхъ легендахъ, въ этихъ миѳахъ врядъ-ли когда-нибудь выступаетъ человѣкъ“ [2]). По словамъ Бр. Смита, боги австралійцевъ,—подобно бушмэнамъ, еще не вышедшихъ изъ охотничьяго быта,—преимущественно птицы и животныя [3]).

—

[1]) Объ «одностороннихъ пастухахъ» см. особенно книгу Фритша: «Eingeborene Sud-Afrikas», Breslau, 1872. Фритшъ говоритъ: «Идеалъ каффра, предметъ, о которомъ онъ мечтаетъ и который онъ съ любовью воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ, это—его скотъ, т. е. самое цѣнное его имущество. Съ пѣснями въ честь скота чередуются пѣсни въ честь начальника племени, въ которыхъ его скотъ опять играетъ большую роль». I, 50. Уходъ за скотомъ считается у каффровъ самымъ почетнымъ занятіемъ (I, 85), и даже война нравится каффру главнымъ образомъ потому что сулитъ ему, въ видѣ добычи, пріобрѣтеніе скота (I, 79). Тяжбы вызываются у каффровъ столкновеніями изъ за скота, (I, 322). У того же Фритша есть очень интересное описаніе быта охотниковъ—бушмэновъ (I, 424 и слѣд.).

[2]) Mythes, cultes et religion, trad. par d. Charillet, Paris 1896, p. 332.

[3]) Тутъ надо помнить то замѣчаніе Рих. Андрэе, что первоначально человѣкъ воображаетъ своихъ боговъ въ видѣ животныхъ,

Религія первобытныхъ племенъ изучена пока еще недостаточно хорошо. Но то, что мы уже знаемъ о ней, безусловно подтверждаетъ правильность того краткаго положенія Фейербаха-Маркса, что „не религія дѣлаетъ человѣка, а человѣкъ дѣлаетъ религію". Эд. Тайлоръ говоритъ: „Очевидно, что у всѣхъ народовъ типомъ божества служилъ человѣкъ; вслѣдствіе этого, строй человѣческаго общества и его правительство становятся образцомъ, согласно которому создается небесное общество и небесное правительство" [1]. Это уже — несомнѣнно матеріалистическій взглядъ на религію: извѣстно, что еще Сэнъ-Симонъ держался противоположнаго взгляда, объясняя общественный и политическій строй древнихъ грековъ ихъ религіозными вѣрованіями. Но еще гораздо важнѣе то, что наука уже начинаетъ обнаруживать причинную связь между развитіемъ техники у первобытныхъ народовъ ихъ и міросозерцаніемъ [2]. Съ этой стороны ей, очевидно, предстоятъ богатѣйшія открытія.

Изъ идеологіи первобытнаго общества лучше другихъ изучено теперь искусство. Въ этой области собранъ богатѣйшій матеріалъ, самымъ недвусмысленнымъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣ-

«Когда, впослѣдствіи, начинается антропоморфизація животныхъ, возникаютъ миѳическія превращенія людей въ животныхъ». (Ethnographische Parallele und Vergleiche, Neue Folge Leipzig. 1889, S. 116). Антропоморфизація животныхъ предполагаетъ уже сравнительно болѣе высокую ступень развитія производительныхъ силъ. Ср. также Фробеніуса: „Die Weltanschauung der Naturvölker", Weimar 1898, S. 24.

[1]) La Civilisation primitive, Paris 1876, tome II, p. 322.

[2]) Ср. Г. Шурца: Vorgeschichte der Kultur, Leipzig und Wien 1900, S.S. 559—564. Ниже мы, по другому поводу, еще вернемся къ этому вопросу.

тельствующій о правильности и, такъ сказать, неизбѣжности матеріалистическаго объясненія исторіи. Этотъ матеріалъ такъ великъ, что мы можемъ перечислить здѣсь лишь главнѣйшія изъ относящихся сюда сочиненій: Schweinfurth, Artes Africanae, Leipzig 1875; R. Andree, Ethnographische Parallelle, статья: Das Zeichnen bei den Naturvölkern; Von den Steinen. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens, Berlin 1894; G. Mallery: Picture Writing of the american Indians An. Rep. of the Bureau of Ethnology, Waschington 1893; Hoernes: Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien 1898; Ernst Grosse. Die Anfänge der Kunst; его же: Kunstwissenchaftliche Studien, Tübingen 1900; Yrjö Hirn: Der Urspung der Kunst, Leipzig 1904; Karl Bücher: Arbeit und Rhythmus, dr. Aufl. 1902; Gabriel et Adr. de Mortillet: le Prehistorique, Paris 1900, p. p. 217—230; Hoernes: Der diluviale Mensch in Europa, Braunschweig 1903; Sophus Müller l'Europe prehistorique, trad du danois par Em. Philipot Paris 1907; Rich. Wallaschek: Anfänge der Tonkunst, Leipzig. 1903.

Каковы тѣ выводы, къ которымъ пришла современная наука по вопросу о возникновеніи искусства, покажутъ слѣдующія положенія изъ перечисленныхъ нами авторовъ. Гёрнесъ говоритъ [1]): „Орнаментика можетъ развиваться только изъ промышленной дѣятельности, которая представляетъ собою ея вещественную предпосылку; народы, совсѣмъ не знающіе промышленности... не знаютъ и орнаментики“. Фонъ-денъ-Штейненъ считаетъ, что рисованіе (Zeichnen) развилось изъ обозначенія предметовъ (Zeichnen) съ практическими цѣлями. Бюхеръ пришелъ

[1]) Urgeschichte etc., s. 38.

къ тому заключенію, что „работа, музыка и поэзія на первоначальной ступени развитія сливаются въ одно, но что основнымъ элементомъ этой троицы была работа, между тѣмъ какъ музыка и поэзія имѣли лишь второстепенное значеніе". По его мнѣнію, „происхожденіе поэзіи надо искать въ трудѣ". Онъ замѣчаетъ, что ни одинъ языкъ не располагаетъ слова, составляющія предложенія, въ ритмическомъ порядкѣ. Не вѣроятно, потому, чтобы люди пришли къ размѣренной поэтической рѣчи путемъ употребленія своего обыденнаго языка: этому противилась внутренняя логика этого языка. Какъ же объяснить происхожденіе размѣренной, ритмической рѣчи? Бюхеръ предполагаетъ, что размѣренныя, ритмическія движенія тѣла сообщили образной поэтической рѣчи законы своего сочетанія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что на низшихъ ступеняхъ развитія эти ритмическія движенія обыкновенно сопровождаются пѣніемъ. Но чѣмъ же объясняется сочетаніе тѣлодвиженій? Характеромъ производительныхъ процессовъ. Такимъ образомъ, „тайна" стихосложенія лежитъ въ производительной дѣятельности [1]).

Р. Валлашекъ такъ формулируетъ свой взглядъ на происхожденіе сценическихъ представленій у первобытныхъ племенъ [2]): „Предметами этихъ представленій были:

„1. Охота, война, гребля (у охотниковъ: жизнь и привычки животныхъ; животныя пантомимы; маски [3]).

[1]) Наз. соч., стр. 342 и слѣд.

[2]) Наз. соч. стр. 257.

[3]) Изображающія обыкновенно тоже животныхъ. Г. П.

„2. Жизнь и привычки скота (у пастушескихъ народовъ).

„3. Работа (у земледѣльцевъ: посѣвъ, молотьба, уходъ за виноградниками).

„Въ представленіи участвовало все племя, которое при этомъ пѣло (хоръ). Распѣвались лишенныя смысла слова: содержаніе давалось именно представленіемъ (пантомимой). Изображались только дѣйствія обыденной жизни абсолютно необходимыя въ борьбѣ за существованіе". Валлашекъ говоритъ, что у многихъ первобытныхъ племенъ при такихъ представленіяхъ хоръ дѣлится иногда на двѣ противостоящія одна другой части. „Таковъ былъ,—прибавляетъ онъ,—первоначальный видъ греческой драмы, которая прежде тоже была животной пантомимой. Животнымъ игравшимъ наибольшую роль въ хозяйственной жизни грековъ, была коза (слово трагедія и происходитъ отъ tragos—козелъ)".

Трудно придумать болѣе яркую иллюстрацію къ тому положенію, что не бытіе опредѣляется мышленіемъ, а мышленіе—бытіемъ!

IX.

Но хозяйственная жизнь развивается подъ вліяніемъ роста производительныхъ силъ. Поэтому измѣняются взаимныя отношенія людей въ процессѣ производства, а съ ними и человѣческая психика. Марксъ говоритъ: „На извѣстной ступени своего развитія производительныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими въ этомъ обществѣ производительными отношеніями или, выражая то же самое юридическимъ языкомъ, съ имуществен-

ными отношеніями, внутри которыхъ они до тѣхъ поръ развивались. Изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ препятствіе для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся надъ ней огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія [1]). Поэтому можно сказать, что человѣчество всегда ставитъ себѣ лишь исполнимыя задачи, ибо при внимательномъ разсмотрѣніи всегда оказывается, что самая задача является лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія".

Тутъ мы имѣемъ передъ собой настоящую,—и при томъ чисто матеріалистическую, — „алгебру" общественнаго развитія. Въ этой алгебрѣ есть мѣсто какъ для „скачковъ" — эпохи соціальныхъ революцій,—такъ и для постепенныхъ измѣненій. Постепенныя количественныя измѣненія въ свойствахъ даннаго порядка вещей ведутъ, наконецъ, къ измѣненію качества, т. е. къ паденію стараго способа производства, — или, какъ выражается здѣсь Марксъ, старой общественной формаціи,—и къ замѣнѣ его новымъ. По замѣчанію Маркса,

[1]) Извѣстно, что у насъ осенью 1905 г. нѣкоторые марксисты разсуждали не такъ...

восточный, античный, феодальный и современный намъ буржуазный способы производства могутъ быть разсматриваемы въ общихъ чертахъ, какъ послѣдовательныя („прогрессивныя“) эпохи экономическаго развитія общества. Но надо думать, что когда Марксъ ознакомился впослѣдствіи съ книгой Моргана о первобытномъ обществѣ, то онъ, вѣроятно, измѣнилъ свой взглядъ на отношеніе античнаго способа производства къ восточному. Въ самомъ дѣлѣ, логика экономическаго развитія феодальнаго способа производства привела къ соціальной революціи, знаменовавшей собою торжество капитализма, Но логика экономическаго развитія, напримѣръ, Китая или древняго Египта вовсе не вела къ появленію античнаго способа производства. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о двухъ фазахъ развитія, одна изъ которыхъ слѣдуетъ за другою и порождается ею. Второй же случай представляетъ намъ скорѣе два сосуществующихъ типа экономическаго развитія. Античное общество смѣнило собою родовую общественную организацію, и та же организація предшествовала возникновенію восточнаго общественнаго строя. Каждый изъ этихъ двухъ типовъ экономическаго устройства явился, какъ результатъ того роста производительныхъ силъ въ нѣдрахъ родовой организаціи, который въ концѣ концовъ неизбѣжно долженъ былъ привести ее къ разложенію. И если эти два типа весьма значительно отличаются одинъ отъ другого, то ихъ главныя отличительныя черты сложились подъ вліяніемъ географической среды, въ одномъ случаѣ предписывавшей обществу, достигшему извѣстной ступени роста производительныхъ

силъ, одну совокупность производственныхъ отношеній, а въ другомъ—другую, весьма отличную отъ первой.

Открытію родовой организаціи, очевидно, суждено сыграть такую же роль въ общественной наукѣ, какую сыграло въ біологіи открытіе клѣточки. И пока Марксъ и Энгельсъ не были знакомы съ этой организаціей, въ ихъ теоріи общественнаго развитія не могли не оставаться значительные пробѣлы, какъ это и призналъ впослѣдствіи самъ Энгельсъ.

Но открытіе родовой организаціи, впервые давшее ключъ къ пониманію низшихъ стадій общественнаго развитія, явилось только новымъ и могучимъ доводомъ въ пользу матеріалистическаго объясненія исторіи, а не противъ него. Оно дало возможность гораздо лучше всмотрѣться въ то, какъ складываются первыя фазы общественнаго бытія, и какимъ образомъ общественное бытіе опредѣляетъ собою тогда общественное мышленіе. Но этимъ оно придало поразительную ясность той истинѣ, что общественное мышленіе опредѣляется общественнымъ бытіемъ.

Впрочемъ, это мимоходомъ. Главное, на что нужно здѣсь обращать вниманіе, это указаніе Маркса на то, что имущественныя отношенія, сложившіяся на данной ступени роста производительныхъ силъ, въ продолженіи нѣкотораго времени способствуютъ дальнѣйшему росту этихъ силъ, а потомъ начинаютъ мѣшать ему [1]). Это напоминаетъ намъ о

---

[1]) Возьмемъ то же рабство. На извѣстной ступени оно способствуетъ росту производительныхъ силъ, а потомъ начинаетъ препятствовать ему. Его исчезновеніе у культурныхъ народовъ запада является слѣдствіемъ ихъ экономи-

томъ, что хотя данное состояніе производительныхъ силъ служитъ причиной, вызывающей данныя производственныя, и въ частности имущественныя,— отношенія, но разъ возникли эти послѣднія, какъ слѣдствіе указанной причины, они начинаютъ вліять на эту причину съ своей стороны. Такимъ образомъ получается взаимодѣйствіе между производительными силами и общественной экономіей. А такъ какъ на экономической основѣ выростаетъ цѣлая надстройка общественныхъ отношеній, чувствъ и понятій, причемъ эта надстройка тоже сначала способствуетъ, а потомъ препятствуетъ экономическому развитію, то между надстройкой и основой тоже возникаетъ взаимодѣйствіе, заключающее въ себѣ полную разгадку всѣхъ тѣхъ явленій, которыя на первый взглядъ кажутся противорѣчащими основному положенію историческаго матеріализма.

Все, что сказано было до сихъ поръ „критиками" Маркса о мнимой односторонности марксизма и объ его будто бы пренебреженіи ко всѣмъ другимъ „факторамъ" общественнаго развитія, кромѣ экономическаго подсказывалось простымъ непониманіемъ той роли, какая отводится у Маркса-Энгельса взаимодѣйствію

ческаго развитія. (О рабствѣ въ античномъ мірѣ см. интересную работу профессора Эг. Чиккоти: „Il tramonto della Schiavitú", „Torino 1899). Дж. Г. Спикъ (Speke) Les sourels du Nil", Paris 1865, p. 21) говоритъ, что среди негровъ рабы считаютъ безчестнымъ и постыднымъ дѣломъ побѣгъ отъ хозяина, заплатившаго за нихъ деньги. Къ этому надо прибавить, что тѣ же рабы считаютъ свое положеніе болѣе почетнымъ, нежели положеніе наемнаго работника. Такъ взглядъ соотвѣтствуетъ той фазѣ „когда рабство остается еще прогрессивнымъ явленіемъ.

между „основаніемъ“ и „надстройкой“. Чтобы убѣдиться, напримѣръ, въ томъ, какъ мало игнорировали Марксъ и Энгельсъ значеніе политическаго фактора, достаточно прочитать тѣ страницы „Коммунистическаго манифеста“, гдѣ говорится объ освободительномъ движеніи буржуазіи. Тамъ сказано:

„Буржуазія, которая представляла собою то угнетенное подъ игомъ феодаловъ сословіе, то вооруженную и самоуправляющуюся ассоціацію въ городской коммунѣ; буржуазія, которая здѣсь была независимой городской республикой, тамъ третьимъ податнымъ сословіемъ монархическаго государства; которая явилась, затѣмъ, противовѣсомъ дворянству въ монархіи абсолютной или ограниченной сословнымъ представительствомъ, — буржуазія, вообще послужившая главной основой большихъ монархій, завоевала себѣ, наконецъ, съ появленіемъ крупной промышленности и всемірнаго рынка, исключительную политическую власть въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ. Современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи“.

Значеніе политическаго „фактора“ обнаружено здѣсь съ достаточной,—нѣкоторые „критики“ сами находили даже, что съ преувеличенной,—ясностью. Но происхожденіе и сила этого „фактора“, ровно какъ и способъ его дѣйствія въ каждый данный періодъ развитія буржуазіи, сами объясняются въ „Манифестѣ“ ходомъ экономическаго развитія, вслѣдствіе чего разнообразіе „факторовъ“ ни мало не нарушаетъ единства коренной причины.

Политическія отношенія несомнѣнно вліяютъ на экономическое движеніе; но также несомнѣнно и то,

что прежде, чѣмъ вліять на него, они имъ создаются.

Тоже надо сказать и о психикѣ общественнаго человѣка, о томъ, что Штаммлеръ нѣсколько односторонне называетъ общественными понятіями. „Манифестъ" даетъ весьма убѣдительное доказательство того, что его авторы хорошо понимали значеніе идейнаго „фактора". Но въ томъ же „Манифестѣ" мы видимъ, что если идейный „факторъ" играетъ важную роль въ развитіи общества, то онъ самъ предварительно создается этимъ развитіемъ.

„Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ. Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей". Но еще убѣдительнѣе въ этомъ случаѣ послѣдняя глава „Манифеста". Его авторы говорятъ въ ней, что ихъ единомышленники стремятся выработать въ умахъ рабочихъ какъ можно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Всякому понятно, что кто не придаетъ значенія идейному „фактору", у того нѣтъ никакого логическаго повода стремиться къ выработкѣ въ умахъ какой бы то ни было общественной группы какого бы то ни было сознанія.

X.

Мы потому цитируемъ „Манифестъ" предпочтительно передъ другими сочиненіями Маркса-Энгельса, что онъ относится къ той ранней эпохѣ ихъ дѣятельности, когда они, по увѣренію нѣкоторыхъ изъ ихъ „крити-

ковъ“, были особенно „односторонни“ въ пониманіи взаимнаго отношенія между „факторами“ общественнаго развитія. Мы ясно видимъ, что и въ эту эпоху они отличались не „односторонностью“, а только стремленіемъ къ монизму, отвращеніемъ къ тому эклектизму, который такъ явственно сказывается въ замѣчаніяхъ гг. „критиковъ“.

Не рѣдко указываютъ на два письма Энгельса, напечатанныхъ въ „Sozialistischen Akademiker“ и написанныхъ одно въ 1890, а другое въ 1894 г. Г. Бернштейнъ съ радостью ухватился когда-то за эти письма, будто бы содержащія въ себѣ ясное свидѣтельство объ эволюціи, совершившейся съ теченіемъ времени въ воззрѣніяхъ друга и единомышленника Маркса. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ двѣ, по его мнѣнію, наиболѣе убѣдительныя выписки, которыя мы считаемъ нужнымъ воспроизвести здѣсь, такъ какъ онѣ доказываютъ совершенно обратное тому, что хотѣлъ доказать г. Бернштейнъ.

Вотъ первая изъ нихъ: „Такимъ образомъ имѣются безчисленныя, взаимно-скрещивающіяся силы, безконечная группа параллелограмовъ силъ, дающихъ равнодѣйствующую,—историческое событіе,—которая сама опять можетъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей, въ цѣломъ, безъ сознанія и воли, ибо то, чего хочетъ каждый въ отдѣльности, встрѣчаетъ себѣ помѣху со стороны всѣхъ другихъ, и то, что получается, есть нѣчто, чего не желалъ никто (письмо 1890 г.).

А вотъ вторая выписка: „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и проч. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ одно на другое и на экономиче-

скій базисъ" (письмо 1894 г.). Г. Бернштейнъ нашелъ, „что это звучитъ нѣсколько иначе", чѣмъ предисловіе къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie", указывающее на связь экономической „основы" съ воздвигающейся на ней „надстройкой". Но почему же иначе? Здѣсь повторяется именно то, что сказано въ названномъ предисловіи: политическое и всякое другое развитіе покоится на экономическомъ. Г. Бернштейна, очевидно, сбили съ толку слова: „но всѣ они реагирують одно на другое и на экономическій базисъ". Предисловіе къ „Zur Kritik" было, очевидно, понято самимъ г. Бернштейномъ нѣсколько иначе", т. е. въ томъ смыслѣ, что выростающая на экономической „основѣ" общественная и идеологическая „надстройка" никакого обратнаго вліянія на эту „основу" не оказываетъ. Но мы уже знаемъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе такого пониманія мысли Маркса, и людямъ, наблюдавшимъ „критическіе" опыты г. Бернштейна, оставалось только пожимать плечами, видя, что человѣкъ, бравшійся когда-то за популяризацію марксизма, не далъ себѣ труда,—или вѣрнѣе, оказался неспособнымъ,—предварительно понять это ученіе.

Во второмъ изъ цитированныхъ г. Бернштейномъ писемъ есть мѣста, едва-ли не гораздо болѣе важныя для выясненія причиннаго смысла исторической теоріи Маркса-Энгельса, нежели такъ плохо понятыя г. Бернштейномъ воспроизводимыя нами строки. Одно изъ этихъ мѣстъ гласитъ: „значитъ это надо понимать не такъ, какъ понимаютъ иные, т. е. что автоматически дѣйствуетъ само экономическое положеніе, а такъ, что люди сами дѣлаютъ свою исторію, но дѣлаютъ ее въ данной средѣ опредѣляющей ихъ собою (in einem gegebenen, die bedingenden Milieu), на основѣ данныхъ

фактическихъ отношеній, между которыми экономическія отношенія,—какъ ни сильно вліяніе, испытываемое ими со стороны отношеній политическихъ и идеологическихъ,—все-таки оказываются въ послѣднемъ счетѣ наиболѣе вліятельными, образуя ту красную нить, которая проходитъ черезъ всѣ остальныя отношенія, и которая одна только и ведетъ насъ къ пониманію".

Къ числу „иныхъ" людей истолковывающихъ историческое ученіе Маркса-Энгельса въ томъ смыслѣ, что въ исторіи „автоматически дѣйствуетъ само экономическое положеніе", принадлежалъ, какъ мы это видимъ теперь, самъ г. Бернштейнъ, въ эпоху своего „ортодоксальнаго" настроенія, и до сихъ поръ принадлежатъ многіе и многіе „критики" Маркса, давшіе заднііі ходъ „отъ марксизма къ идеализму". Эти глубокомысленные люди обнаруживаютъ большое самодовольство, открывая и ставя на видъ „одностороннимъ" Марксу и Энгельсу то соображеніе, что исторія дѣлается людьми, а не автоматическимъ движеніемъ экономики. Они бьютъ Марксу челомъ его же добромъ и въ своей невѣроятной наивности даже и не подозрѣваютъ, что „Марксъ", котораго они „критикуютъ", не имѣетъ ничего общаго кромѣ имени, съ настоящимъ Марксомъ, будучи созданъ ихъ собственнымъ и по истинѣ разностороннимъ непониманіемъ предмета. Естественно, что „критики" такого калибра были совершенно неспособны „дополнить" и „исправить" что нибудь въ историческомъ матеріализмѣ. Поэтому мы и не будемъ больше заниматься ими, предпочитая имѣть дѣло съ „основоположниками" этой теоріи.

Чрезвычайно важно замѣтить, что когда Энгельсъ, уже незадолго до своей смерти, отвергалъ „автомати-

ческое“ пониманіе историческаго дѣйствія экономики онъ только повторялъ, — почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ,—и пояснялъ то, что написалъ Марксъ уже въ 1845 г. въ приведенномъ нами выше третьемъ тезисѣ о Фейербахѣ. Марксъ упрекалъ тамъ предшествовавшій ему матеріализмъ въ забвеніи того, что если съ одной стороны люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ, то съ другой — обстоятельства измѣняются именно людьми“. Задача матеріализма въ области исторіи,— какъ понималъ эту задачу Марксъ, — заключалась стало быть, именно въ томъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ „обстоятельства“ могутъ измѣняться тѣми людьми, которые сами создаются обстоятельствами. И эта задача рѣшалась указаніемъ на производственныя отношенія, складывающіяся подъ вліяніемъ условій, отъ человѣческой воли независящихъ. Производственныя отношенія, это—отношенія людей въ общественномъ процессѣ производства. Сказать, что измѣнились производственныя отношенія значитъ сказать, что измѣнились взаимныя отношенія между людьми въ названномъ процессѣ. Измѣненіе этихъ отношеній не можетъ совершаться „автоматически“, т. е. независимо отъ человѣческой дѣятельности, потому что эти отношенія являются отношеніями, устанавливающимися между людьми въ процессѣ ихъ дѣятельности.

Но эти отношенія могутъ измѣняться, — и очень часто дѣйствительно измѣняются,—вовсе не въ томъ направленіи, въ которомъ люди хотѣли бы измѣнить ихъ. Характеръ „экономической структуры“, и то направленіе, въ которомъ измѣняется этотъ харак-

теръ, зависятъ не отъ воли людей, а отъ состоянія производительныхъ силъ и отъ того, какія именно измѣненія въ производственныхъ отношеніяхъ возникаютъ и становятся нужными для общества, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія этихъ силъ. Энгельсъ поясняетъ это слѣдующими словами: „Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но они до сихъ поръ дѣлали ее,—даже внутри отдѣльныхъ обществъ,—не по общей волѣ и не по общему плану. Ихъ стремленія взаимно перекрещивались, и именно потому во всѣхъ такихъ обществахъ царствуетъ необходимость, дополненіемъ и внѣшней формой проявленія которой служитъ случайность“. Человѣческая дѣятельность сама опредѣляется здѣсь не какъ свободная, а какъ необходимая, т. е. какъ законосообразная, т. е. какъ могущая стать объектомъ научнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, историческій матеріализмъ, не переставая указывать на то, что обстоятельства измѣняются людьми, въ то же время впервые даетъ намъ возможность взглянуть на процессъ этого измѣненія съ точки зрѣнія науки. И вотъ почему мы имѣемъ полное право сказать, что матеріалистическое объясненіе исторіи даетъ необходимыя пролегомены для всякаго такого ученія о человѣческомъ обществѣ, которое захочетъ выстроить, какъ наука.

Это до такой степени вѣрно, что уже и въ настоящее время любое изслѣдованіе той или другой стороны общественной жизни пріобрѣтаетъ научное значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно приближается къ ея матеріалистическому объясненію. И такое объясненіе,—несмотря на пресловутое „воскресеніе идеализма“ въ общественныхъ наукахъ,—все

болѣе и болѣе становится обычнымъ тамъ, гдѣ изслѣдователи не предаются назидательнымъ размышленіямъ и разглагольствованіямъ объ „идеалѣ", а ставятъ себѣ научную задачу обнаруженія причинной связи явленій. Матеріалистами оказываются теперь въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ даже такіе люди, которые не только не раздѣляютъ матеріалистическаго взгляда на исторію, но просто на просто не имѣютъ о немъ ровно никакого понятія, И тутъ ихъ незнакомство съ этимъ взглядомъ или ихъ предубѣжденіе противъ него, мѣшающее всестороннему его пониманію, дѣйствительно приводитъ къ тому, что слѣдуетъ назвать одностороннотью и узостью понятій.

XI.

Вотъ хорошій примѣръ. Десять лѣтъ тому назадъ извѣстный французскій ученый Альфредъ Эспинасъ, кстати сказать, большой врагъ современныхъ соціалистовъ, — опубликовалъ чрезвычайно интересный по крайней мѣрѣ, по замыслу „соціологическій этюдъ", „Les origines de la technologie", въ которомъ онъ, исходя изъ того, чисто матеріалистическаго положенія, что въ исторіи человѣчества практика всегда предшествуетъ теоріи, разсматриваетъ вліяніе техники на развитіе идеологій, т. е. собственно, религіи и философіи въ античной Греціи. Выводъ получается у него тотъ, что въ каждый данный періодъ этого развитія, міросозерцаніе древнихъ грековъ опредѣлялось состояніемъ ихъ производительныхъ силъ. Это, конечно, очень интересный и важный результатъ. Но человѣкъ, привыкшій сознательно примѣнять матеріализмъ къ объясненію историческихъ явленій, ознакомившись съ „Этюдомъ"

Эспинаса, навѣрно, найдетъ выраженный въ немъ взглядъ односороннимъ. И это по той простой причинѣ, что французскій ученый почти совсѣмъ не обратилъ вниманія на другіе „факторы“ развитія идеологіи: напримѣръ, на классовую борьбу. А между тѣмъ этотъ „факторъ“ имѣетъ по истинѣ колоссальное значеніе.

Въ первобытномъ обществѣ, не знающемъ раздѣленія на класссы, производительная дѣятельность человѣка непосредственно вліяетъ на его міросозерцаніе и на его эстетическій вкусъ. Орнаментика беретъ свои мотивы у техники, а пляска,—едва-ли не самое важное искусство въ такомъ обществѣ,—не рѣдко ограничивается простымъ воспроизведеніемъ производительнаго процесса. Это особенно замѣтно у охотничьихъ племенъ, стоящихъ на самой низкой изо всѣхъ доступныхъ нашему наблюденію ступеней экономическаго развитія [1]). Потому-то мы и ссылались главнымъ образомъ на нихъ, когда рѣчь шла у насъ о зависимости психики первобытнаго человѣка отъ его хозяйственной дѣятельности. Но въ обществѣ раздѣленномъ на классы, непосредственное вліяніе этой дѣятельности на идеологію становится гораздо менѣе замѣтнымъ. Оно и понятно. Если, напримѣръ, одинъ изъ видовъ пляски у австралійской женщины—туземки воспроизводитъ работу собиранія ею кореньевъ, то само собою разумѣется, что ни одинъ изъ тѣхъ изящныхъ танцевъ, которыми развлекались, напримѣръ, французскія свѣтскія красавицы XVIII вѣка, не могъ

---

[1]) Охотникамъ предшествовали собиратели, — Sammelvölker,—какъ выражаются теперь нѣмецкіе ученые. Но всѣ извѣстныя намъ дикія племена уже превзошли эту ступень.

быть изображеніемъ производительнаго труда этихъ дамъ, ибо никакимъ производительнымъ трудомъ онѣ и не занимались, отдаваясь преимущественно „наукѣ страсти нѣжной“. Чтобы понять танецъ австралійской туземки; достаточно знать, какую роль играетъ собираніе женщинами корней дико растущихъ растеній въ жизни австралійскаго племени. А чтобы понять, скажемъ, менуэтъ, совершенно не достаточно знанія экономики Франціи XVIII столѣтія. Тутъ намъ приходится имѣть дѣло съ танцемъ, выражающимъ собою психологію непроизводительнаго класса. Психологіей этого рода объясняется огромное большинство „обычаевъ и приличаевъ“ такъ называемаго порядочнаго общества. Стало быть экономическій „факторъ“ уступаетъ здѣсь честь и мѣсто — психологическому. Но не забывайте, что само появленіе непроизводительныхъ классовъ въ обществѣ есть продуктъ его экономическаго развитія. Значитъ экономическій „факторъ“ вполнѣ сохраняетъ свое преобладающее значеніе, даже и уступая честь и мѣсто—другимъ. Напротивъ, тогда-то и даетъ себя чувствовать это значеніе, потому что тогда имъ опредѣляются возможность и предѣлы вліянія другихъ „факторовъ“ [1]).

[1]) Вотъ примѣръ изъ другой области. „Факторъ населенія“, какъ выражается А. Костъ (см. его „Les facteur population dans l'évolution sociale, Paris 1901) безспорно оказываетъ очень большое вліяніе на общественное развитіе. Но Марксъ совершенно правъ, говоря, что абстрактные законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растеній. Ростъ (или убыль) населенія въ человѣческомъ обществѣ зависитъ отъ устройства этого общества, которое опредѣляется его экономической структурой. Никакой „абстрактный законъ размноженія“ ничего не объяснитъ намъ въ томъ фактѣ, что населеніе современной Франціи почти не увеличи-

Но это еще не все. Высшій классъ даже тогда, когда онъ принимаетъ — въ качествѣ руководителя,— участіе въ производительномъ процессѣ, смотритъ на низшій съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Это тоже отражается на идеологіяхъ обоихъ классовъ. Французскіе средне-вѣковые fabliaux,—а особенно les chansons de gestes,—изображаютъ тогдашняго крестьянина въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Если вѣрить имъ, то:

„Li vilaen sont de laide forme
Ainc si tres laide ne vit home;
Chaucuns a XV piez de granz
En auguls ressemblent jâianz
Mais trop sont be daide maniere.
Boçu sont deoant en derriere“ [1]).

А крестьяне, разумѣется, смотрѣли на себя другими глазами, возмущаясь высокомѣріемъ феодаловъ, они пѣли:

Мы такіе же люди, какъ и они,
И такъ же способны страдать, какъ они,
и т. д.

И они спрашивали: „Гдѣ былъ дворянинъ въ то время, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла“? Словомъ, каждый изъ этихъ двухъ классовъ смотрѣлъ на вещи со своей собственной точки зрѣнія, особенности которой обусловливались его положеніемъ въ обществѣ.

вается. Очень ошибаются тѣ соціологи и экономисты, которые видятъ въ ростѣ населенія коренную причину общественнаго развитія (см. А. Лоріа: La legge di popolozione ed il sistema sociale, Siena 1882.

[1]) Ср. Les classes rurales et le régime domanial en France en moyen age, par Henri Sél, Paris 1901, p. 554.

Борьба классовъ окрашивала собою, психологію борющихся сторонъ. И такъ было, конечно, не только въ средніе вѣка и нетолько во Франціи. И чѣмъ болѣе обострялась классовая борьба въ данной странѣ и въ данное время, тѣмъ сильнѣе становилось ея вліяніе на психологію борющихся классовъ. Кто хочетъ изучать исторію идеологій въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, тому необходимо внимательно считаться съ этимъ вліяніемъ. Иначе онъ ничего не пойметъ. Попробуйте дать непосредственно-экономическое объясненіе факту появленія школы Давида во французской живописи XVIII вѣка: у васъ ровно ничего не выйдетъ, кромѣ смѣшного и скучнаго вздора; но попробуйте взглянуть на эту школу, какъ на идеологическое отраженіе классовой борьбы во французскомъ обществѣ на канунѣ великой революціи, и дѣло сейчасъ же приметъ совершенно другой оборотъ: вамъ станутъ вполнѣ понятны даже такія качества живописи Давида, которыя, казалось бы, такъ далеки отъ общественной экономіи, что ничѣмъ не могутъ быть связаны съ нею.

Тоже приходится сказать и объ исторіи идеологій въ древней Греціи: она испытала на себѣ глубочайшее вліяніе классовой борьбы. И вотъ это-то вліяніе и было слишкомъ мало оттѣнено въ интересномъ этюдѣ Эспинаса, вслѣдствіе чего его важные выводы получили односторонній характеръ. Такихъ примѣровъ можно было бы не мало привести уже въ настоящее время, и всѣ они показывали бы, что вліяніе матеріализма Маркса на многихъ изъ нынѣшнихъ спеціалистовъ было бы какъ нельзя болѣе благотворно въ томъ смыслѣ, что оно научило бы ихъ принимать во вниманіе другіе „факторы“, кромѣ

техническаго и экономическаго. Это похоже на парадоксъ; но это—неоспоримая истина, которая перестанетъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ, что хотя у Маркса всякое общественное движеніе объясняется экономическимъ развитіемъ общества, но оно очень часто объясняется имъ лишь въ послѣднемъ счетѣ, т. е. предполагаетъ промежуточное дѣйствіе цѣлаго ряда разныхъ другихъ „факторовъ".

XII.

Начинаетъ обнаруживаться теперь въ современной наукѣ и другая тенденція, прямо противоположная той, которую мы только что видѣли у Эспинаса! Тенденція объяснять исторію идей исключительнымъ вліяніемъ классовой борьбы. Эта, совершенно новая и пока еще мало выразившаяся, тенденція возникла подъ прямымъ вліяніемъ Марксова историческаго матеріализма. Мы видимъ ее въ сочиненіяхъ грека А. Элевѳеропулоса, главный трудъ котораго: „Wirthschaft und Philosophie. I. Die Philosophie und die Lebensauffassung des Griechenthums auf Grund der gesellschafflichen Zustände; и II. Die Philosophie und die Lebensauffassung der germanisch—römischen Völker", вышелъ въ Берлинѣ въ 1900 году. Элевѳерпулосъ убѣжденъ, что въ философіи всякаго даннаго времени выражаются свойственныя ему „міросозерцаніе и взгляды на жизнь" (Lebens-und Weltanschauung). Собственно, это не ново. Еще Гегель говорилъ, что всякая философія есть лишь идейное выраженіе своей эпохи. Но у Гегеля свойства различныхъ эпохъ, а слѣдовательно и соотвѣтствующихъ имъ фазъ развитія философіи, опредѣлялись движеніемъ абсолютной идеи, между

тѣмъ, какъ у Элевѳеропулоса всякая данная эпоха характеризуется прежде всего соотвѣтствующимъ ей экономическимъ состояніемъ. Экономика всякаго даннаго народа опредѣляетъ собою его „жизне-и міропониманіе“, которое выражается между прочимъ, и въ философіи. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняется также идеологическая надстройка. А такъ какъ экономическое развитіе ведетъ къ раздѣленію общества на классы и къ ихъ борьбѣ, то свойственное данной эпохѣ „жизне-и міропониманіе“ не имѣетъ единообразнаго характера: оно различно у различныхъ классовъ и видоизмѣняется сообразно ихъ положенію, ихъ нуждамъ, ихъ стремленіямъ и ходу ихъ взаимной борьбы.

Такова та точка зрѣнія, съ которой смотритъ Элевѳеропулосъ на всю исторію философіи. Нечего и говорить о томъ, что эта точка зрѣнія заслуживаетъ величайшаго вниманія и полнѣйшаго одобренія. Въ философской литературѣ давно уже замѣчалась неудовлетворенность обычнымъ взглядомъ на исторію философіи, какъ на простую филіацію философскихъ системъ. Въ брошюрѣ, вышедшей въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и посвященной вопросу о томъ, какъ изучать исторію философіи, извѣстный французскій писатель Пикавэ прямо говорилъ, что такая филіація сама по себѣ объясняетъ очень немногое [1]). Появленіе книги Элевѳеропулоса можно было бы привѣтствовать, какъ новый шагъ въ изученіи исторіи философіи и какъ торжество историческаго матеріализма въ его приложеніи къ одной изъ наиболѣе отдаленныхъ отъ эко-

[1]) L'histoire de la philosophie, ce qu'elle a été, ce qu'elle peut être, Paris 1888.

номіи идеологіи. Но увы! Элевѳеропулосъ не показалъ большого искусства въ обращеніи съ діалектическимъ методомъ этого матеріализма. Онъ до нельзя упростилъ ставшія передъ нимъ задачи и уже по одному этому не могъ найти для нихъ другихъ рѣшеній, кромѣ очень одностороннихъ, а стало быть и очень неудовлетворительныхъ. Возьмемъ хоть Ксенофана. По словамъ Элевѳеропулоса, Ксенофанъ явился философскимъ выразителемъ стремленій греческаго пролетаріата. Это—Руссо своего времени [1]). Онъ стремился къ общественной реформѣ въ смыслѣ равенства и единства всѣхъ гражданъ, и его ученіе о томъ, что бытіе едино, было лишь теоретическимъ обоснованіемъ его реформаторскихъ плановъ [2]). Изъ этого теоретическаго фундамента реформаторскихъ стремленій Ксенофана логически выросли всѣ частности его философіи, начиная съ его взгляда на божество и кончая ученіемъ объ обманчивости представленій, получаемыхъ нами съ помощью внѣшнихъ чувствъ [3]).

Философія Гераклита Темнаго порождена была аристократической реакціей противъ революціонныхъ стремленій греческаго пролетаріата. Всеобщее равенство невозможно; сама природа дѣлаетъ людей неравными. Каждый долженъ быть доволенъ своей судьбой. Въ государствѣ нужно стремиться не къ ниспроверженію существующаго порядка, а къ устраненію произвола, который возможенъ какъ при господствѣ немногихъ, такъ и при господствѣ массы. Власть должна принадлежать закону, въ которомъ выражается божественный законъ. Божественный

---

1) Цит. Соч., I, стр. 98.
2) Тамъ же, стр. 99.
3) Тамъ же, I 99—101.

законъ не исключаетъ единства; но единство, согласное съ нимъ, есть единство противоположностей. Поэтому осуществленіе плановъ Ксенофана было бы нарушеніемъ божественнаго закона. Развивая и обосновывая далѣе эту мысль, Гераклитъ создалъ свое діалектическое ученіе о становленіи (Werden) [1].

Такъ говоритъ Элевѳеропулосъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ приводить другіе образчики дѣлаемаго имъ анализа причинъ, опредѣлившихъ собою развитіе философіи. Да это едва-ли и нужно. Читатель, надѣемся, и самъ видитъ, что этотъ анализъ долженъ быть признанъ неудачнымъ. Процессъ развитія идеологіи вообще несравненно сложнѣе, чѣмъ это представляется Элевѳеропулосъ [2]). Читая его до нельзя упрощенныя соображенія о вліяніи борьбы классовъ на исторію философіи, начинаешь жалѣть о томъ, что ему, какъ видно, осталось совсѣмъ неизвѣстной названная нами выше книга Эспиноса: односторонность, свойственная этой книгѣ, будучи сложена съ его собственной односторонностью, можетъ быть, многое исправили бы въ его анализѣ.

Какъ бы тамъ однако ни было, а неудачная попытка Элевѳеропулоса все-таки является новымъ свидѣтельствомъ въ пользу того,—для многихъ неожиданнаго,— положенія, что болѣе основательное усвоеніе историческаго матеріализма Маркса полезно было бы многимъ нынѣшнимъ изслѣдователямъ именно для предохраненія ихъ отъ односторонности. Элевѳе-

[1]) Тамъ же, I, стр. 103—107.

[2]) Мы уже не говоримъ о томъ, что въ своихъ ссылкахъ на экономику древней Греціи Элевѳеропулосъ не даетъ никакого конкретнаго представленія о ней, ограничиваясь общими мѣстами, которыя здѣсь какъ и вездѣ, ничего не объясняютъ.

ропулосъ знакомъ съ этимъ матеріализмомъ. Но онъ плохо знакомъ съ нимъ. Это доказывается той будто-бы—поправкой, которую онъ считаетъ нужнымъ внести въ него.

Онъ замѣчаетъ, что экономическія отношенія даннаго народа обусливливаютъ собою лишь „необходимость его развитія", само же развитіе является дѣломъ индивидуальности, такъ что „жизне—и міропониманіе" этого народа опредѣляется въ своемъ содержаніи, во-первыхъ его характеромъ и характеромъ обитаемой имъ страны; во-вторыхъ, его нуждами, а въ—третьихъ личными особенностями тѣхъ людей, которые выступаютъ въ его средѣ, какъ реформаторы. Только въ этомъ смыслѣ и можно говорить, по замѣчанію Элевѳеропулоса, объ отношеніи философіи къ экономіи. Философія ис олняетъ требованія своего времени, она исполняетъ ихъ сообразно личности философа [1]).

Элевѳеропулосъ полагаетъ, должно быть, что этотъ его взглядъ на отношеніе философіи къ экономіи представляетъ собою нѣчто особенное сравнительно съ матеріалистическимъ взглядомъ Маркса Энгельса. Онъ считаетъ нужнымъ дать своему объясненію исторіи новое имя, называя его греческой теоріей становленія (griechische Therie des Werdens [2]). Это просто забавно, и по этому поводу можно сказать только одно: „греческая теорія становленія",—являющаяся на самомъ дѣлѣ не чѣмъ инымъ, какъ довольно плохо переваренным и довольно нескладно изложеннымъ историческимъ матеріализмомъ, все таки обѣ-

---

[1]) Тамъ же, I, стр. 16—17.
[2]) Тамъ же, I, стр. 17.

щаетъ значительно больше, чѣмъ даетъ Элевоеропулосъ, переходя отъ характеристики своего метода къ пользованію имъ: тогда онъ уже совсѣмъ уходитъ отъ Маркса.

Что касается собственно „личности философа" и вообще всякаго дѣятеля, оставляющаго свой слѣдъ въ исторіи человѣчества, то весьма ошибаются тѣ, которые воображаютъ, будто теорія Маркса Энгельса не оставила для нея мѣста. Мѣсто для нея она оставила; но она съумѣла въ то же время избѣжать непозволительнаго противопоставленія дѣятельности „личности" ходу событій, опредѣляемому экономической необходимостью. Кто дѣлаетъ противопоставленіе объясненіи тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ очень мало понялъ въ матеріалистическомъ исторіи. Коренное положеніе историческаго матеріализма гласитъ, какъ мы повторяли уже не разъ, что исторія дѣлается людьми. А если она дѣлается людьми, то ясно, что она дѣлается, между прочимъ, и „великими людьми". Остается только уяснить себѣ, чѣмъ же опредѣляется дѣятельность этихъ людей. По этому поводу Энгельсъ говоритъ въ одномъ изъ двухъ, выше нами цитированныхъ писемъ:

„Что въ данной странѣ въ данное время выступаетъ такой человѣкъ и при томъ именно этотъ, а не другой, это, конечно, чистая случайность. Но если бы мы устроили этого человѣка, то явился бы спросъ на его замѣстителя, и замѣститель нашелся бы tant bien que mal, но все-таки нашелся бы въ концѣ концовъ. Случайностью было то, что именно Корсиканецъ Наполеонъ оказался тѣмъ военнымъ диктаторомъ, появленіе котораго стало неизбѣжно въ истощенной своими войнами французской республикѣ. Но если бы не было Наполеона, то

его мѣсто занялъ бы другой; это доказывается тѣмъ что подходящій человѣкъ находился всякій разъ, когда въ немъ была нужда: Цезарь, Августъ, Кромвелль и т. д. Если Марксъ открылъ матеріалистическое объясненіе исторіи, то изъ примѣра Тьери, Минье, Гизо и всѣхъ английскихъ историковъ до 1850 г. видно, что дѣло шло именно къ этому, а открытіе того же объясненія Морганомъ доказываетъ, что время для него созрѣло, и что оно должно было быть открыто. Итакъ со всѣми другими случайностями или кажущимися случайностями въ исторіи. Чѣмъ дальше отстоитъ изслѣдуемая нами область отъ экономіи и чѣмъ болѣе она принимаетъ отвлеченно—идеологическій характеръ, тѣмъ чаще мы будемъ встрѣчаться въ ея развитіи со случайностями, тѣмъ болѣе зигзагообразной становится кривая линія ея движенія. Но начертите среднюю ось этой кривой, и вы найдете, что чѣмъ длиннѣе разсматриваемый вами періодъ и чѣмъ обширнѣе изслѣдуемая вами область, тѣмъ болѣе приближается эта ось къ тому, чтобы стать пораллельной съ осью экономическаго развитія“ [1]).

„Личность“ всякаго даннаго выдающагося работника въ области духовнаго или общественнаго развитія принадлежитъ къ числу тѣхъ случайностей, появленіе которыхъ нисколько не мѣшаетъ „средней“ линіи умственнаго развитія человѣчества идти параллельно съ его экономическимъ развитіемъ [2]), Элевѳеропулосъ лучше уяснилъ бы себѣ это, если внимательнѣе вдумывался въ историческую теорію

[1]) Der Sozialistische Akademiker, Berlin 1895, № 20, s. 374.

[2]) Ср. нашу статью «Къ вопросу о роли личности въ исторіи» въ нашей книгѣ «За двадцать лѣтъ».

Маркса и поменьше заботился о томъ, чтобы создать свою собственную „греческую теорію“ [1]).

Излишне и прибавлять, что мы далеко не всегда умѣемъ въ настоящее время открыть причинную связь появленія даннаго философскаго взгляда съ экономическимъ состояніемъ его эпохи. Но вѣдь мы только еще начинаемъ работать въ этомъ направленіи, а если бы мы уже могли дать отвѣтъ на всѣ возникающіе здѣсь вопросы,—или хотя только на большинство ихъ,—то наша работа была бы уже окончена или близилась бы къ своему концу. Рѣшающее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ не то, что мы еще не умѣемъ справиться со всѣми трудностями, встрѣчающимися намъ въ этой области,—нѣтъ и не можетъ быть такого метода, который разомъ устранилъ бы въ наукѣ всѣ трудности!—а то, что матеріалистическое объясненіе исторіи несравненно легче справляется съ ними, нежели идеалистическое и эклектическое. А что это такъ, достаточной порукой тому служитъ тотъ фактъ, что научная мысль въ области исторіи въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно сильно тяготѣла къ матеріалистическому объясненію явленій, такъ сказать настойчиво искала его, начиная съ эпохи реставраціи [2]), и не перестала тяготѣть къ нему, искать его, до настоящаго времени, не смотря на то благородное негодованіе, въ которое приходитъ всякій уважающій

---

[1]) Онъ назвалъ «свою» теорію греческой потому, что по его словамъ, «ея основныя положенія были высказаны грекомъ Фалеасомъ, а развиты грекомъ»...(наз. соч. стр. 17), т. е. Элевѳеропулосомъ

[2]) Объ этомъ см. въ нашемъ предисловіи ко второму изданію нашего перевода «Манифеста».

себя идеологъ буржуазіи, когда слышитъ слово: материализмъ.

Третьимъ примѣромъ того, какъ неизбѣжны теперь попытки матеріалистическаго объясненія всѣхъ сторонъ человѣческой культуры можетъ служить работа Франца Фейергерда (Feuerherd): „Die Entstehung der Still aus der politischen Oekonomie; erster Theil, Braunschweig und Leipzig 1902. Фейергердъ говоритъ: „Сообразно господствующему способу производства и той формѣ государства, которая имъ обусловливается, разсудокъ людей направляется въ извѣстныя стороны и остается недоступнымъ для другихъ. Поэтому существованіе каждаго стиля (въ искусствѣ Г. П.) предполагаетъ существованіе такихъ людей, которые живутъ при вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ условіяхъ, производятъ при вполнѣ опредѣленныхъ отношеніяхъ производства и имѣютъ совершенно опредѣленные идеалы [1]). Когда даны эти причины, тогда люди создаютъ соотвѣтствующій имъ стиль съ такою же естественною необходимостью, съ какой совершаются, при наличности извѣстныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ условій, химическія реакціи [2]). Это, конечно, такъ, и очень интересно то обстоятельство, что это признается теперь историкомъ искусства. Но когда Фейергердъ переходитъ къ объясненію происхожденія различныхъ греческихъ стилей экономическимъ состояніемъ древней Греціи, у него получается нѣчто слишкомъ схематичное. Мы не знаемъ, вышла ли вторая часть его работы: мы не интересовались этимъ потому, что для насъ

---

1) Наз. соч. стр. 19.

2) Тамъ же, стр. 19—20.

было ясно, какъ плохо владѣетъ современнымъ матеріалистическимъ методомъ этихъ ученій. По своей схематичности его разсужденія напоминаютъ разсужденія нашихъ доморощенныхъ Фритче и Рожковыхъ, которымъ, какъ и ему, надо пожелать прежде всего и больше всего изученія современнаго матеріализма. Только марксизмъ можетъ спасти всѣхъ ихъ отъ схематизма.

XII.

Покойный Ник. Михайловскій утверждалъ когда-то въ спорѣ съ нами, что историческая теорія Маркса никогда не получитъ широкаго распространенія въ ученомъ мірѣ. Мы только что видѣли и еще увидимъ ниже, что это не совсѣмъ вѣрно. Но сначала намъ нужно устранить еще нѣкоторыя другія недоразумѣнія, препятствующія правильному пониманію историческаго матеріализма.

Если бы мы захотѣли кратко выразить взглядъ Маркса-Энгельса на отношеніе знаменитаго теперь „основанія“ къ не менѣе знаменитой „надстройкѣ“, то у насъ получилось бы вотъ что:

1) Состояніе производительныхъ силъ;

2) Обусловленныя имъ экономическія отношенія;

3) Соціально политическій строй, выросшій на данной экономической „основѣ“;

4) Опредѣляемая частью непосредственно экономикой, а частью всѣмъ выросшимъ на ней соціально-политическимъ строемъ психика общественнаго человѣка;

5) Различныя идеологіи, отражающія въ себѣ свойства этой психики.

Эта формула достаточно широка, чтобы дать надлежащее мѣсто всѣмъ «формамъ» историческаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно чужда того эклектизма, который не умѣетъ пойти дальше взаимодѣйствія между различными общественными силами и даже не подозрѣваетъ, что фактъ взаимодѣйствія между этими силами еще вовсе не рѣшаетъ вопроса объ ихъ происхожденіи. Это монистическая формула. И эта монистическая формула насквозь пропитана матеріализмомъ. Гегель говорилъ въ своей „Философіи духа“: „Духъ есть единственный двигательный принципъ исторіи“. Иначе и нельзя думать, держась точки зрѣнія того идеализма, согласно которому бытіе обусловливается мышленіемъ. Матеріализмъ Маркса показываетъ, какимъ образомъ исторія мышленія обусловливается исторіей бытія. Но идеализмъ не мѣшалъ Гегелю признавать дѣйствіе экономики, какъ причины „опосредствованной развитіемъ духа; и точно также матеріализмъ не помѣшалъ Марксу признать въ исторіи дѣйствіе „духа“, какъ силы, направленіе которой опредѣляется въ каждое данное время и въ послѣднемъ счетѣ ходомъ развитія экономики.

Что всѣ идеологіи имѣютъ одинъ общій корень: психологію данной эпохи, это понять нетрудно, и въ этомъ убѣдится всякій, кто хоть бѣгло ознакомится съ фактами. Укажемъ для примѣра хоть на французскій романтизмъ. Викторъ Гюго, Эжень Делякруа и Гекторъ Берліозъ работали въ трехъ совершенно различныхъ областяхъ искусства. И всѣ они были довольно далеки другъ другу. По крайней мѣрѣ

Гюго не любилъ музыки, а Делякруа пренебрежительно относился къ музыкантамъ-романтикамъ. И все-таки этихъ трехъ замѣчательныхъ людей справедливо называютъ романтической троицей. Въ ихъ произведеніяхъ отразилась одна и та же психологія. Можно сказать, что въ картинѣ Делякруа „Дантъ и Виргилій“ сказалось то же самое настроеніе, которое продиктовало Гюго его „Эрнани“, а Берліозу — его „Фантастическую симфонію“. И это чувствовали ихъ современники, т. е. тѣ изъ нихъ, которые вообще не были беззаботны на счетъ литературы и искусства. Классикъ по своимъ вкусамъ, Энгръ называлъ Берліоза „отвратительнымъ музыкантомъ, чудовищемъ, разбойникомъ, антихристомъ [1]). Это напоминаетъ лестные отзывы классиковъ о Делякруа, кисть котораго они величали пьяной метлою. Извѣстно, что Берліозу приходилось выдерживать, подобно Гюго, настоящія битвы [2]). Извѣстно также, что ему съ несравненно большимъ трудомъ и гораздо позже, нежели Гюго, досталась побѣда. Почему это было такъ, несмотря на то, что въ его музыкѣ выражалась та же самая психологія, что и въ романтической поэзіи и драмѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно было бы выяснить себѣ многія такія частности въ сравнительной исторіи французской музыки и литературы [3]), которыя, можетъ быть, надолго,—если не

— — —

[1]) См. Souvenirs d'un Hugolâtre par Augustin Challamel, Paris, 1885, p. 259. Въ эт мъ случаѣ Энгръ обнаружилъ больше послѣдовательности, чѣмъ Делякруа, который, будучи романтикомъ въ живописи, сохранилъ пристрастіе къ классической музыкѣ.

[2]) Срав. Шаламеля, наз. соч., стр. 258.

[3]) А главное—въ исторіи той роли, которую играла каждая изъ нихъ, какъ выразительница настроеній своей эпохи. Извѣстно, что въ различныя эпохи выступаютъ на первый

навсегда, останутся невыясненными. Но что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ это то, что психологія французскаго романтизма станетъ намъ понятной только тогда, когда мы взглянемъ на нее, какъ на психологію опредѣленнаго класса, находившагося въ опредѣленныхъ общественныхъ и историческихъ условіяхъ [1]). Ж. Тьерсо говоритъ: „движеніе тридцатыхъ годовъ въ литературѣ и искусствѣ далеко не имѣло характера народной революціи“ [2]). Это безусловно вѣрно: названное движеніе было буржуазнымъ по своему существу. Но и это еще не все. Въ средѣ самой буржуазіи оно совсѣмъ не пользовалось всеобщимъ сочувствіемъ. По мнѣнію Тьерсо, оно выражало собою стремленія небольшой кучки „избранныхъ“, обладавшей „достаточной проницательностью

планъ различныя идеологіи и различныя идеологическія отрасли: богословіе въ средніе вѣка играло гораздо болѣе важную роль, нежели теперь; пляска въ первобытномъ обществѣ—самое важное искусство, а теперь далеко нѣтъ и т. д.

¹) У. Шено (Les chefs d'école, Paris 1883, p. p. 378—379) есть очень тонкое замѣчаніе о психологіи романтиковъ. Онъ указываетъ на то, что романтизмъ явился послѣ революціи и имперіи. «Въ литературѣ и въ искусствѣ совершился кризисъ подобный тому, который произошелъ въ нравахъ послѣ террора настоящая оргія чувствъ. Люди пережили чувства страха; потомъ ихъ страхъ прошелъ, и они предались наслажденію жить. Внѣшнія явленія, внѣшнія формы исключительно привлекали къ себѣ вниманіе. Голубое небо, яркій свѣтъ, женская красота, пышный бархатъ, цвѣтовые переливы шелка, блескъ золота, огонь брилліантовъ—все это доставляло наслажденіе. Люди жили глазами... они перестали думать». Тутъ много похожаго на психологію переживаемаго нами момента въ Россіи. Но и тутъ, и тамъ ходъ событій, вызвавшій это настроеніе, самъ былъ вызванъ ходомъ экономическаго развитія.

²) Hector Berlioz et la société de son temps, Paris 1904, p. 190.

для того, чтобы умѣть открывать геній тамъ, гдѣ онъ скрывался [1]). Этими словами поверхностно, — т. е. по идеалистически, — констатируется тотъ фактъ, что тогдашняя французская буржуазія не понимала значительной части того, къ чему стремились и что чувствовали тогда въ литературѣ и въ искусствѣ ея же собственные идеологи. Подобный разладъ между идеологами и тѣмъ классомъ, стремленія и вкусы котораго они выражаютъ, вообще не рѣдкость въ исторіи. Имъ объясняются весьма многія особенности въ умственномъ и художественномъ развитіи человѣчества. Въ интересующемъ насъ случаѣ этотъ разладъ вызвалъ, между прочимъ, то пренебрежительное отношеніе „тонко“ чувствующей „élite“ къ „тупымъ буржуа“, которое и до сихъ поръ вводитъ въ заблужденіе наивныхъ людей, рѣшительно неспособныхъ понять, благодаря ему, архи-буржуазный характеръ романтизма [2]). Но здѣсь, какъ и вездѣ, происхожденіе и характеръ такого разлада можетъ быть объясненъ въ послѣднемъ счетѣ только экономическимъ положеніемъ и экономической ролью того общественнаго класса, въ средѣ котораго онъ проявился. Здѣсь,—какъ и вездѣ,—только бытіе проливаетъ свѣтъ на „тайны“ мышленія. Ивотъ почему здѣсь,—опять, какъ и вездѣ,—только матеріализмъ способенъ дать научное объясненіе „хода идей“.

XIII.

Пытаясь объяснить этотъ ходъ, идеалисты никогда не умѣли внимательно взглянуть на него съ точки

1) Тамъ же, та же стр.

2) Тутъ то же самое qui pro quo, которое дѣлаетъ по истинѣ забавными нападающихъ на буржуазію сторонниковъ архи-буржуазнаго Ницше.

зрѣнія „хода вещей“. Такъ Тэнъ объясняетъ произведенія искусства свойствами окружающей художника среды. Какими же свойствами? Психологическими, т. е. той общей психологіей даннаго времени, свойства которой сами нуждаются въ объясненіи [1]). Матеріализмъ, объясняя психологію даннаго общества или класса, аппелируетъ къ общественной структурѣ, создаваемой экономическимъ развитіемъ и т. д. А Тэнъ, который былъ идеалистомъ, объяснялъ общественной психологіей происхожденіе общественнаго строя и потому запутался въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ. Идеалисты всѣхъ странъ не любятъ теперь Тэна. Понятно почему: подъ средой онъ понимаетъ общую психологію массы, психологію „средняго человѣка“ даннаго времени и даннаго класса, и эта психологія является у него послѣдней инстанціей, къ которой можетъ аппелировать изслѣдователь. Вслѣдствіе этого у него выходитъ, что „великій“ человѣкъ всегда мыслитъ и чувствуетъ по указкѣ „средняго“ человѣка подъ диктовку „посредственностей“. А это и фактически не вѣрно, да и обидно для буржуазныхъ „интеллигентовъ“, всегда склонныхъ хоть немножечко причислять себя къ категоріи великихъ людей. Тэнъ былъ тотъ человѣкъ, который, сказавъ *А*, оказался не въ силахъ произнести: *Б*, и тѣмъ испортилъ свое собственное дѣло. Изъ противорѣчій, въ которыхъ онъ запутался, нѣтъ выхода помимо историческаго матеріализма, отводящаго надлежащее мѣсто и „личности“, и „средѣ“,

1) L'oeuvre d'art,—говоритъ онъ,—est déterminée par un ensamble qui est l'état général de l'esprit et des moeurs environnantes.

и среднимъ людямъ, и великимъ „избранникамъ судьбы".

Не лишено будетъ интереса то замѣчаніе, что во Франціи, которая, начиная съ среднихъ вѣковъ, и до 1871 года включительно была той страной, гдѣ общественно-политическое развитіе и взаимная борьба общественныхъ классовъ приняли наиболѣе типичный для западной Европы характеръ, легче всего обнаружить причинную связь между названнымъ развитіемъ и названной борьбой, съ одной стороны, и исторіей идеологій—съ другой.

Говоря о причинѣ распространенія идей теократической школы философіи исторіи въ эпоху французской реставраціи, Р. Флинтъ замѣчаетъ: „успѣхъ подобной теоріи остался бы, однако, необъяснимымъ, если бы путь для нея не былъ подготовленъ сенсуализмомъ Кондильяка, и если бы она не была такъ очевидно направлена на служеніе интересамъ той теоріи, которая представляла мнѣнія широкаго класса французскаго общества прежде и послѣ реставраціи" [1]). Это, конечно, такъ. И легко понять, какой именно классъ нашелъ въ теократической школѣ идеологическое выраженіе своихъ интересовъ. Но сдѣлаемъ еще шагъ въ глубь французской исторіи и спросимъ себя: нельзя-ли открыть также общественныя причины успѣха сенсуализма въ дореволюціонной Франціи? Не было-ли умственное движеніе, выдвинувшее теоретиковъ сенсуализма, въ свою очередь выраженіемъ стремленій какого-нибудь общественнаго класса? Извѣстно, что—было: это движеніе выражало освободительныя стремленія французскаго „средняго сосло-

---

[1]) The philosophy of history in France and Germany, p. 149.

вія". Если бы мы пошли еще дальше въ томъ же направленіи, то мы увидѣли бы, что, напримѣръ, философія Декарта очень ярко отражаетъ въ себѣ нужды экономическаго развитія и соотношеніе общественныхъ силъ своего времени [1]). Наконецъ, если бы мы дошли до XIV-го столѣтія и обратили свое вниманіе, напримѣръ, на рыцарскіе романы имѣвшіе большой успѣхъ при тогдашнемъ французскомъ дворѣ и въ средѣ тогдашней французской аристократіи, то мы опять безъ труда открыли бы, что эти романы были зеркаломъ жизни и вкусовъ только что названнаго нами сословія [2]). Словомъ, въ этой замѣчательной странѣ, еще такъ недавно имѣвшей полное право говорить о себѣ, что она „шествуетъ во главѣ народовъ", кривая линія умственнаго движенія направляется параллельно кривой линіи, экономическаго и обусловленнаго имъ соціально-политическаго развитія. Въ виду этого исторія идеологій во Франціи имѣетъ особенную цѣнность для соціологіи.

Ни о чемъ этомъ не имѣли никакого представленія господа, на разные лады „критиковавшіе" Маркса. Они не догадывались, что хотя критика есть, разумѣется, прекрасное дѣло, но критиковать надо умѣючи, т. е. понимая то, что критикуешь. Критиковать данный методъ научнаго изслѣдованія значитъ опредѣлять, насколько онъ пригоденъ для обнаруженія при-

---

[1]) Срав. G. Lanson, Histoire de la litérature française, Paris 1896, p. p. 394—397, гдѣ недурно выяснена связь нѣкоторыхъ сторонъ философіи Декарта съ психологіей господствующаго класса во Франціи первой половины XVIII вѣка.

[2]) О значеніи этихъ романовъ, Сисмонди (Histoire des Français, T. X, p. 59) высказалъ интересное мнѣніе, дающее матеріалъ для соціологическаго изученія подражанія.

чинной связи явленій. Опредѣлить же это можно только посредствомъ опыта, т. е. путемъ примѣненія этого метода. Критиковать историческій матеріализмъ значитъ попробовать воспользоваться методомъ Маркса-Энгельса при изученіи историческаго движенія человѣчества. Только такимъ образомъ и можно обнаружить сильныя и слабыя стороны этого метода. The proof of the pudding is in the eating, сказалъ Энгельсъ, поясняя свою теорію познанія. Это остается вполнѣ вѣрнымъ и въ примѣненіи къ историческому матеріализму. Чтобы критиковать это блюдо, надо его отвѣдать. Чтобы отвѣдать методъ Маркса-Энгельса, надо умѣть пользоваться имъ. А умѣлое пользованіе имъ предполагаетъ несравненно болѣе серьезную научную подготовку и гораздо болѣе упорную работу мысли, нежели псевдо-критическія разглагольствованія на тему объ „односторонности" марксизма.

„Критики" Маркса отчасти съ сожалѣніемъ, отчасти съ упрекомъ, отчасти съ злорадствомъ говорятъ, что до сихъ поръ нѣтъ такой книги, которая давала бы теоретическое оправданіе историческому матеріализму. Подъ книгой понимаютъ обыкновенно что-то въ родѣ краткаго руководства по всемірной исторіи съ матеріалистической точки зрѣнія. Но въ настоящее время такое руководство не можетъ быть написано ни отдѣльнымъ ученымъ,—какъ бы ни были обширны его свѣдѣнія,—ни цѣлой группой ученыхъ. Для него нѣтъ и долго еще не будетъ достаточнаго матерьяла. Этотъ матерьялъ можетъ быть накопленъ только путемъ длиннаго ряда частныхъ изслѣдованій, обрабатывающихъ соотвѣтствующія области науки съ помощью Марксова метода. Иначе сказать, „критики", требующіе „книги", хотѣли бы, чтобы дѣло началось съ

конца, т. е. чтобы объясненъ былъ предварительно съ матеріалистической точки зрѣнія тотъ историческій процессъ, который собственно и подлежитъ объясненію. На самомъ дѣлѣ „книга" въ защиту историческаго матеріализма пишется именно въ той мѣрѣ, въ какой современные изслѣдователи,– чаще всего, какъ мы сказали, вовсе этого не сознавая, — вынуждаются всѣмъ современнымъ состояніемъ общественной науки давать матеріалистическое объясненіе изучаемыхъ ими явленій. А что такихъ ученыхъ теперь уже не мало, достаточно убѣдительно показываютъ хотя бы указанные нами выше примѣры.

Лапласъ говоритъ, что послѣ великаго открытія Ньютона прошло около пятидесяти лѣтъ прежде, чѣмъ сдѣлано было какое-нибудь важное дополненіе къ нему. „Все это время нужно было этой великой истинѣ, чтобы быть всѣми понятой, и чтобы преодолѣть тѣ препятствія, которыя ей ставились теоріей вихрей, а можетъ быть также и самолюбіемъ современныхъ Ньютону математиковъ [1]).

Препятствія, встрѣчаемыя современнымъ матеріализмомъ, — какъ стройной и послѣдовательной теоріей,—несравненно больше, нежели тѣ, съ которыми встрѣтилась при своемъ появленіи теорія Ньютона: противъ него прямо и рѣшительно возстаетъ интересъ господствующаго теперь класса, а вліянію этого послѣдняго по необходимости подчиняется огромнѣйшее большинство нынѣшнихъ ученыхъ. Матеріалистическая деалектика, „ни передъ чѣмъ не склоняющаяся и раз-

[1]) Exposition du systeme du monde Paris l'an IV T. II, p. p. 291—292.

сматривающая вещи съ ихъ преходящей стороны", не можетъ пользоваться симпатіями консервативнаго класса, какимъ является теперь буржуазія на западѣ. Она до такой степени противорѣчитъ настроенію этого класса, что естественно представляется его идеологамъ чѣмъ-то непозволительнымъ, неприличнымъ, недостойнымъ ни „порядочныхъ людей" вообще, ни „почтенныхъ" мужей науки въ частности [1]. Неудивительно, что каждая изъ ученыхъ почтенностей считаетъ себя нравственно обязанной отклонять отъ себя всякое подозрѣніе въ сочувствіи къ матеріализму. И очень не рѣдко бываетъ такъ, что эти почтенности тѣмъ рѣшительнѣе отрекаются отъ него, чѣмъ упорнѣе они придерживаются, въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ матеріалистической точки зрѣнія [2]. Тутъ получается какая-то полубез-

[1]) Объ этомъ см., между прочимъ, въ вышеназванной статьѣ Энгельса „Ueber den historischen Materialismus".

[2]) Вспомните, съ какимъ жаромъ оправдывался отъ упрека въ матеріализмѣ Лампрехтъ: ср. также, какъ оправдывается отъ него Ратцель (Die Erde und das Leben, II, s., 631). А между тѣмъ тотъ же Ратцель пишетъ: „Сумма культурныхъ пріобрѣтеній каждаго даннаго народа на каждой данной ступени его развитія составляется изъ матерьяльныхъ и духовныхъ элементовъ... Они пріобрѣтаются не одинаковыми средствами, съ не одинаковымъ трудомъ и не одновременно... Въ основѣ духовныхъ пріобрѣтеній лежатъ матерьяльныя. Духовная дѣятельность является, какъ роскошь, лишь послѣ удовлетворенія матерьяльныхъ потребностей. Поэтому всѣ вопросы о происхожденіи культуры сводятся къ вопросу о томъ, что содѣйствуетъ развитію матерьяльныхъ основъ культуры". (Völkerkunde, I Band, I Auflage, s. 17). Это—самый недвусмысленный историческій матеріализмъ, только гораздо менѣе продуманный и потому не такой высоко-пробный, какъ матеріализмъ Маркса-Энгельса.

сознательная „условная ложь“, могущая имѣть, конечно, только самое вредное вліяніе на теоретическую мысль.

XIV.

„Условная ложь“ общества, раздѣленнаго на классы, тѣмъ больше разростается, чѣмъ болѣе расшатывается, подъ вліяніемъ экономическаго развитія и вызываемой имъ классовой борьбы, существующій порядокъ вещей. Марксъ весьма справедливо сказалъ, что чѣмъ болѣе развивается противорѣчіе между растущими производительными силами и существующимъ общественнымъ строемъ, тѣмъ болѣе пропитывается лицемѣріемъ идеологія господствующаго класса. И чѣмъ болѣе обнаруживаетъ жизнь лживость этой идеологіи, тѣмъ возвышеннѣе и нравственнѣе становится языкъ этого класса („Sankt Marx“ Documente des Sozialismus, August 1904, s. s. 370—371). Справедливость этой мысли особенно ярко бросается въ глаза теперь, когда, напримѣръ, въ Германіи распространеніе разврата, разоблаченнаго процессомъ Гардена — Мольтке, идетъ рука объ руку съ „возрожденіемъ идеализма“ въ общественной наукѣ. А у насъ даже въ средѣ „теоретиковъ пролетаріата“ являются люди, не понимающіе общественной причины этого „возрожденія“ и сами подчиняющіеся его вліянію: Богдановы, Базаровы и имъ подобные...

Впрочемъ, преимущества, даваемыя всякому изслѣдователю методомъ Маркса, такъ безмѣрно велики, что ихъ начинаютъ во всеуслышаніе признавать даже люди, охотно подчиняющіеся „условной лжи“ нашего времени. Къ числу такихъ людей принадлежитъ, на-

примѣръ, американецъ Зелигмэнъ, авторъ вышедшей въ 1902 г. книги „The economic interpretation of History“. Зелигмэнъ откровенно признаетъ, что ученыхъ отпугивали отъ теоріи историческаго матеріализма дѣлаемые изъ нея Марксомъ соціалистическіе выводы. Но онъ находитъ, что можно накормить козу и сохранить капусту, „можно быть экономическимъ матеріалистомъ“ и, однако, оставаться противникомъ соціализма. „Тотъ фактъ, что экономическіе взгляды Маркса были ошибочны,—говоритъ онъ,—не имѣетъ никакого отношенія къ истинности или ложности его философіи исторіи“ [1]. Въ дѣйствительности экономическіе взгляды Маркса были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ его историческими взглядами. Чтобы хорошо понять „Капиталъ“, безусловно необходимо сначала хорошо вдуматься въ знаменитое предисловіе къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“. Но мы не можемъ здѣсь ни излагать экономическіе взгляды Маркса, ни выяснять то, не подлежащее, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, обстоятельство, что они представляютъ собою лишь необходимую, составную часть ученія, называемою историческимъ матеріализмомъ [2]. Прибавимъ только, что Зелигмэнъ—достаточно „почтенный“ человѣкъ для того, чтобы пугаться также и матеріализма.

---

[1]) Наз. соч. стр. 24 и 109.

[2]) Впрочемъ, вотъ два слова въ изъясненіе сказаннаго. По Марксу, „экономическія категоріи представляютъ собою лишь теоретическія, отвлеченныя выраженія общественныхъ отношеній производства“. (Нищета философіи, часть вторая, „замѣчаніе“ второе). Это значитъ, что Марксъ и на категоріи политической экономіи смотритъ съ точки зрѣнія тѣхъ взаимныхъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства, развитіемъ которыхъ объясняется у него въ основныхъ чертахъ историческое движеніе человѣчества.

Этотъ „экономическій матеріалистъ“ считаетъ непозволительною крайностью стремленіе объяснять „религію и даже христіанство“ экономическими причинами [1]). Все это ясно показываетъ, какъ глубоко коренятся тѣ предразсудки, а слѣдовательно и тѣ препятствія, съ которыми приходится бороться теоріи Маркса. И все таки, самый фактъ появленія книги Зелигмэна и даже самый характеръ дѣлаемыхъ имъ оговорокъ даютъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что историческій матеріализмъ,—хотя бы и въ укороченномъ, „очищенномъ“ видѣ,—добьется, наконецъ, признанія со стороны тѣхъ идеологовъ буржуазіи, которые не совсѣмъ еще покинули всякую заботу о приведеніи въ порядокъ своихъ историческихъ воззрѣній [2]).

Но борьба съ соціализмомъ, матеріализмомъ и прочими непріятными крайностями, предполагаетъ наличность извѣстнаго „духовнаго оружія“. Духовнымъ оружіемъ, употребляемымъ въ борьбѣ съ соціализмомъ, служитъ теперь главнымъ образомъ такъ называемая

---

[1]) Тамъ же стр. 37.

[2]) Чрезвычайно поучительно слѣдующее сопоставленіе. По словамъ Маркса, матеріалистическая діалектика, объясняя существующее, объясняетъ также и его неизбѣжное уничтоженіе. И въ этомъ онъ видитъ ея достоинство, ея прогрессивное значеніе А. Зелигмэнъ говоритъ: „Соціализмъ есть теорія, относящаяся къ тому, что должно быть: историческій матеріализмъ есть теорія, относящаяся къ тому, что было“ (тамъ же, стр. 108). И только на этомъ основаніи онъ считаетъ для себя возможнымъ защищать историческій матеріализмъ. Другими словами, это означаетъ, что можно игнорировать этотъ матеріализмъ, по скольку онъ объясняетъ неизбѣжное уничтоженіе существующаго, и пользоваться его методомъ для объясненія того, что существовало. Это одна изъ многихъ разновидностей „двойной бухгалтеріи“, въ идеологической области,—бухгалтеріи, тоже порождаемой экономическими причинами.

субъективная политическая экономія и болѣе или менѣе удачно насилуемая статистика. Въ борьбѣ съ матеріализмомъ главной твердыней являются всевозможныя разновидности кантіанства. Въ области общественной науки кантіанство утилизируется для этой цѣли, какъ ученіе дуалистическое, разрывающее связь между бытіемъ и мышленіемъ. Такъ какъ разсмотрѣніе экономическихъ вопросовъ въ нашъ планъ не входитъ, то мы ограничимся оцѣнкой философскаго духовнаго оружія буржуазной реакціи въ области идеологіи.

Заканчивая свою брошюру „развитіе научнаго соціализма“, Энгельсъ замѣчаетъ, что когда созданныя капиталистической эпохой могучія средства производства перейдутъ въ общественную собственность, и когда производство будетъ организовано сообразно общественнымъ потребностямъ, тогда люди станутъ, наконецъ, господами своихъ общественныхъ отношеній, а тѣмъ самымъ сдѣлаются господами природы и самихъ себя. Только тогда они начнутъ сознательно дѣлать свою исторію: только тогда приводимыя ими въ дѣйствіе общественныя причины будутъ вызывать, все въ большей мѣрѣ желательныя для нихъ дѣйствія. „Это будетъ скачекъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“.

Эти слова Энгельса вызвали возраженія со стороны тѣхъ, которые вообще не переваривая „скачковъ“, никакъ не могли или не хотѣли понять „скачка“ изъ царства необходимости въ царство свободы. Такой „скачекъ“ казался имъ даже противорѣчащимъ тому взгляду на свободу, который высказанъ былъ тѣмъ же Энгельсомъ въ первой части Анти-Дюринга. Поэтому, чтобы разобрать, въ чемъ тутъ была у нихъ путаница,

мы вынуждены припомнить, что собственно высказалъ тамъ Энгельсъ.

А высказалъ онъ тамъ вотъ что. Поясняя слова Гегеля: „Необходимость слѣпа лишь поскольку она остается непонятой“, онъ утверждалъ, что свобода состоитъ „въ господствѣ надъ природой и надъ самимъ собой,—господствѣ, основанномъ на познаніи естественной необходимости“ [1]). Энгельсъ развилъ эту мысль съ ясностью, вполнѣ достаточной для людей, знакомыхъ съ тѣмъ ученіемъ Гегеля, на которое онъ ссылался. Но въ томъ-то и бѣда, что современные кантіанцы Гегеля только „критикуютъ“, а изучать не изучаютъ: не зная Гегеля, они не могли понять и Энгельса. Они возражали автору Анти-Дюрига, что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ есть подчиненіе необходимости. И это было вполнѣ послѣдовательно со стороны людей, философскіе взгляды которыхъ насквозь пропитаны дуализмомъ, не умѣющимъ соединить мышленіе съ бытіемъ. Съ точки зрѣнія этого дуализма „скачекъ“ изъ необходимости въ свободу дѣйствительно остается совершенно непонятнымъ. Но философія Маркса,—такъ же какъ и философія Фейербаха,—провозглашаетъ единство бытія и мышленія. И хотя она,—какъ мы уже видѣли выше, говоря о Фейербахѣ,—понимаетъ это единство совсѣмъ иначе, нежели понималъ его абсолютный идеализмъ, но въ интересующемъ насъ вопросѣ объ отношеніи свободы къ необходимости она совсѣмъ не расходится съ ученіемъ Гегеля.

Все дѣло въ томъ, что именно понимать подъ необходимостью. Еще Аристотель [2]) показалъ, что

[1]) Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, fünfte Auflage, s. 113.

[2]) Метафизика, V, V.

понятіе необходимости имѣетъ много оттѣнковъ: необходимо принять лекарство, чтобы выздоровѣть; необходимо дышать, чтобы жить; необходимо съѣздить въ Эгину, чтобы получить долгъ. Это, такъ сказать, условная необходимость: мы должны дышать, если мы хотимъ жить; должны принимать лекарство, если хотимъ отдѣлаться отъ болѣзни и т. д. Съ необходимостью этого рода человѣкъ постоянно имѣетъ дѣло въ процессѣ своего воздѣйствія на внѣшній міръ: ему необходимо посѣять хлѣбъ, если онъ хочетъ получить жатву; необходимо спустить стрѣлу, если онъ хочетъ убить звѣря; необходимо запастись топливомъ, если онъ хочетъ привести въ дѣйствіе паровую машину и т, д. Становясь на точку зрѣнія неокантіанской „критики Маркса", надо признать, что и въ той условной необходимости есть элементъ подчиненія; человѣкъ былъ бы свободнѣе, если бы онъ могъ удовлетворять свои потребности, вовсе не затрачивая никакого труда; онъ всегда подчиняется природѣ, даже заставляя ее служить ему. Но это его подчиненіе ей является условіемъ его освобожденія: подчиняясь ей, онъ тѣмъ самымъ увеличиваетъ свою власть надъ нею, т. е. свою свободу. Тоже было бы и при планомѣрной организаціи общественнаго производства. Подчиняясь извѣстнымъ требованіямъ технической и экономической необходимости, люди положили бы конецъ тому нелѣпому порядку, при которомъ надъ ними господствуютъ ихъ собственные продукты, т. е. въ огромной степени увеличили бы свою свободу. Его подчиненіе и тутъ стало бы источникомъ его освобожденія.

Это не все. Привыкнувъ думать, что мышленіе отдѣлено цѣлой пропастью отъ бытія, „критики" Маркса

знаютъ только одинъ оттѣнокъ необходимости: они— скажемъ опять словами Аристотеля, — представляютъ себѣ необходимость лишь какъ силу, препятствующую намъ поступать согласно нашему желанію и вынуждающую насъ дѣлать то, что противорѣчитъ ему. Такая необходимость въ самомъ дѣлѣ противоположна свободѣ и не можетъ не быть для насъ болѣе или менѣе тяжелой. Но и тутъ не надо забывать, что сила, представляющаяся человѣку внѣшней силой принужденія, идущаго въ разрѣзъ съ его желаніемъ, можетъ при другихъ обстоятельствахъ представляться ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Возьмемъ для примѣра нашъ современный аграрный вопросъ. Умному помѣщику—кадету „принудительное отчужденіе земли“ можетъ казаться болѣе или менѣе, т. е. обратно пропорціонально величинѣ „справедливаго вознагражденія“,—печальной исторической необходимостью. А вотъ крестьянину, стремящемуся достать „землицы“, болѣе или менѣе печальною необходимостью будетъ представляться, наоборотъ, только это „справедливое вознагражденіе“, а само „принудительное отчужденіе“ непремѣнно покажется ему выраженіемъ его свободной воли и самымъ драгоцѣннымъ обезпеченіемъ его свободы.

Говоря это, мы касаемся, можетъ быть, самаго важнаго пункта въ ученіи о свободѣ, пункта не упомянутаго Энгельсомъ, конечно, только потому, что человѣку, прошедшему школу Гегеля, этотъ пунктъ понятенъ и безъ всякихъ поясненій.

Въ своей философіи религіи Гегель говоритъ: „Die Freiheit ist dies, Nichts zu Wollen als sich“ [1]), т. е. „свобода состоитъ въ томъ, чтобы не желать ничего, кромѣ

[1]) Hegel's werke, 12 Bond, s. 98.

себя". И это замѣчаніе проливаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ на весь вопросъ о свободѣ, поскольку онъ касается общественной психологіи: крестьянинъ, требующій передачи ему помѣщичьей „землицы", не хочетъ „ничего, кромѣ себя". А вотъ помѣщикъ-кадетъ, соглашающійся уступить ему эту „землицу", тотъ хочетъ уже „не себя"; а того, къ чему вынуждаетъ его исторія. Первый свободенъ; второй—разумно подчиняется необходимости.

Съ пролетаріатомъ, обращающимъ средства производства въ общественную собственность и организующимъ на новыхъ началахъ общественное производство, было бы то же, что съ крестьяниномъ: онъ ничего не хотѣлъ бы, „кромѣ себя". И онъ чувствовалъ бы себя вполнѣ свободнымъ. Ну, а что касается капиталистовъ, то тѣ, конечно, въ лучшемъ случаѣ чувствовали бы себя въ положеніи помѣщика, принимающаго кадетскую аграрную программу: они не могли бы не находить, что иное дѣло свобода, а иное дѣло историческая необходимость.

Намъ сдается, что „критики", возражавшіе Энгельсу, не понимали его, между прочимъ, и потому, что они могли мысленно войти въ такое положеніе капиталиста, но никакъ не могли вообразить себя „въ кожѣ" пролетаріевъ. И мы полагаемъ, что на это тоже была своя соціальная,—въ послѣдней инстанціи экономическая причина.

XV.

Дуализмъ, къ которому склоняются теперь идеологи буржуазіи, дѣлаетъ еще другой упрекъ историческому матеріализму. Въ лицѣ Штаммлера онъ

упрекаетъ его въ томъ, что онъ будто бы совсѣмъ не считается съ соціальной теологіей. Этотъ второй упрекъ, находящійся, впрочемъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ первымъ, такъ же неоснователенъ, какъ и первый.

Марксъ сказалъ: „чтобы производить, люди всту-вступаютъ въ опредѣленныя взаимныя отношенія". Штаммлеръ ссылается на это положеніе, какъ на доказательство того, что самъ Марксъ, вопреки своей теоріи, не могъ избѣжать телеологическихъ соображеній. Слова Маркса означаютъ, по его мнѣнію, что люди сознательно вступаютъ въ тѣ взаимныя отношенія, безъ которыхъ невозможно производство. Значитъ, эти отношенія являются продуктомъ цѣлесообразнаго дѣйствія [1])

Не трудно замѣтить, въ какомъ именно мѣстѣ этого разсужденія Штаммлеръ дѣлаетъ логическую ошибку, налагающую свою печать на всѣ его дальнѣйшія критическія замѣчанія.

Возьмемъ примѣръ. Дикари—охотники преслѣдуютъ данное животное, скажемъ—слона. Для этого они собираются вмѣстѣ и извѣстнымъ образомъ организуютъ свои силы. Гдѣ здѣсь цѣль? Гдѣ средство? Цѣль, очевидно, заключается въ поимкѣ или въ убійствѣ слона; а средствомъ служитъ преслѣдованіе животнаго соединенными силами. Чѣмъ подсказывается цѣль? Потребностями человѣческаго организма. Чѣмъ опредѣляется средство? Условіями охоты. Зависятъ-ли отъ воли человѣка потребности его организма? Нѣтъ, не зависятъ, да и вообще съ ними вѣдается физіологія, а не соціологія. Чего же мы можемъ требовать въ данный моментъ отъ соціологіи?

[1]) Wirtschaft und Recht, Zweite Auflage s. 421.

Объясненія того, почему, стремясь къ удовлетворенію своихъ потребностей,—скажемъ, потребности въ пищѣ,—люди вступаютъ иногда въ одни, а иногда въ совершенно иныя взаимныя отношенія. И это обстоятельство соціологія,—въ лицѣ Маркса,—объясняетъ состояніемъ ихъ производительныхъ силъ. Далѣе спрашивается: зависитъ-ли состояніе этихъ силъ отъ воли людей и отъ тѣхъ цѣлей, которыя ими преслѣдуются? Соціологія,—опять въ лицѣ того же Маркса,—отвѣчаетъ: нѣтъ, не зависятъ. А если не зависятъ, то значитъ они возникаютъ въ силу извѣстной необходимости, опредѣленной данными, внѣ человѣка лежащими условіями.

Что же выходитъ? Выходитъ, что если охота есть цѣлесообразная дѣятельность дикаря, то этимъ несомнѣннымъ фактомъ ни мало не ослабляется значеніе той мысли Маркса, что производственныя отношенія, возникающія между дикарями, занимающимися охотой, возникаютъ въ силу условій, отъ этой цѣлесообразной дѣятельности не совсѣмъ зависящихъ. Другими словами: если первобытный охотникъ сознательно стремится къ тому, чтобы побить какъ можно больше дичи, то отсюда еще не слѣдуетъ, что коммунизмъ, свойственный быту этого охотника, выросъ какъ цѣлесообразный продуктъ его дѣятельности. Нѣтъ, коммунизмъ возникъ,—или вѣрнѣе сохранился—такъ, какъ возникъ-то онъ еще гораздо раньше,—самъ собою, какъ безсознательный, т. е. необходимый результатъ той организаціи труда, характеръ которой отъ воли людей совсѣмъ не зависѣлъ [1]). Вотъ этого-

[1]) „Необходимость, въ ея противоположности свободѣ, есть именно безсознательное“ (Шеллингъ).

то и не понялъ кантіанецъ Штаммлеръ; тутъ-то онъ и сбился, введя въ соблазнъ нашихъ г.г. Струве, Булгаковыхъ и прочихъ временныхъ марксистовъ, имена коихъ ты, Господи, вѣси [1]).

Продолжая свои критическія замѣчанія, Штаммлеръ говоритъ, что если бы общественное развитіе совершилось исключительно въ силу причинной необходимости, то было бы явной безсмыслицей всякое сознательное стремленіе содѣйствовать ему. По его словамъ, тутъ можетъ быть только одно изъ двухъ. или я считаю данное явленіе необходимымъ, т. е: неизбѣжнымъ, и тогда мнѣ нѣтъ никакой надобности содѣйствовать ему; или же моя дѣятельность нужна для того, чтобы могло произойти это явленіе, и тогда оно не можетъ быть названо необходимымъ. Кто стремится къ тому, чтобы, содѣйствовать необходимому, т. е. неизбѣжному восходу солнца? [2]).

Тутъ съ поразительной ясностью обнаруживается дуализмъ, свойственный людямъ воспитаннымъ на Кантѣ: мышленіе всегда оторвано у нихъ отъ бытія.

Восходъ солнца не связанъ съ общественными отношеніями людей ни какъ причина, ни какъ слѣдствіе. Поэтому его можно противопоставлять, какъ явленіе природы, сознательнымъ стремленіемъ людей, тоже не имѣющимъ съ нимъ никакой причинной связи. Не то съ общественными явленіями, съ исторіей. Мы

---

[1]) Эта сторона дѣла довольно подробно выяснена нами въ разныхъ мѣстахъ нашей книги объ историческомъ монизмѣ.

[2]) Тамъ же, s.s. 421 и слѣд. Ср. также статью Штаммлера „Materialistiche Geschichtsaufassung“ въ Hand—wörterbuch der Staatswissenschaften, V Band, s.s. 735—737.

уже знаемъ, что исторія дѣлается людьми; стало быть человѣческія стремленія не могутъ не быть факторомъ историческаго движенія. Но исторія дѣлается людьми такъ, а не иначе, вслѣдствіе извѣстной необходимости, о которой мы уже достаточно распространялись выше. Разъ дана эта необходимость, то даны—какъ ея слѣдствіе,—и тѣ стремленія людей, которыя являются неизбѣжнымъ факторомъ общественнаго развитія. Стремленія людей не исключаютъ необходимости, а сами опредѣляются ею. Значитъ и противопоставленіе ихъ необходимости есть большой грѣхъ противъ логики.

Когда данный классъ, стремясь къ своему освобожденію, совершаетъ общественный переворотъ, онъ поступаетъ при этомъ болѣе или менѣе цѣлесообразно и, во всякомъ случаѣ, его дѣятельность является причиной этого переворота. Но эта дѣятельность, со всѣми тѣми стремленіями, которыя ее вызвали, сама есть слѣдствіе извѣстнаго хода экономическаго развитія и потому сама опредѣляется необходимостью.

Соціологія становится наукой лишь въ той мѣрѣ, въ какой ей удается понять возникновеніе цѣлей у общественнаго человѣка (общественную „телеологію"), какъ необходимое слѣдствіе общественнаго процесса, обусловливаемаго въ послѣднемъ счетѣ ходомъ экономическаго развитія.

И очень характерно то обстоятельство, что послѣдовательные противники матеріалистическаго объясненія исторіи видятъ себя вынужденными доказывать невозможность соціологіи, какъ науки. Это значитъ, что „критицизмъ" становится теперь препятствіемъ для дальнѣйшаго научнаго

развитія нашего времени. Для людей старающихся найти научное объясненіе исторіи философскихъ теорій, тутъ представляется интересная задача: опредѣлить, какимъ образомъ эта роль „критицизма“ связана съ борьбою классовъ въ современномъ обществѣ.

Если я стремлюсь принять участіе въ такомъ движеніи, торжество котораго кажется мнѣ исторически необходимымъ, то это значитъ только то, что я и на свою собственную дѣятельность смотрю, какъ на необходимое звено въ цѣли тѣхъ условій, совокупность которыхъ необходимо обезпечитъ торжество дорогого для меня движенія. Не больше и не меньше. Это непонятно дуалисту. Но это вполнѣ ясно человѣку, усвоившему себѣ теорію единства субъекта и объекта и понявшаго, какимъ образомъ обнаруживается это единство въ общественныхъ явленіяхъ.

Въ высшей степени достойно замѣчанія, что теоретики протестантизма въ Сѣверной Америкѣ просто не понимаютъ, какъ видно, того противопоставленія свободы необходимости, которое такъ занимало и занимаетъ многихъ идеологовъ европейской буржуазіи. А. Баржи говоритъ, что „въ Америкѣ самые положительные изъ наставниковъ по части энергіи (professeurs d'ènergie) очень мало склонны къ признанію свободы воли“ [1]). Онъ объясняетъ это тѣмъ, что они, какъ люди дѣйствія, предпочитаютъ „фаталистическія рѣшенія“. Но онъ ошибается. Фатализмъ тутъ не причемъ. И это видно изъ его же собственнаго замѣчанія о моралистѣ Джонатанѣ Эдуардсѣ: „точка зрѣнія Эдуардса... это—точка зрѣнія всякаго человѣка дѣйствія.

[1]) A. Bargy La réligion dans la société aux Etats Unis, Paris 1902, p.p. 88—89.

Для всякаго, кто хоть разъ въ жизни преслѣдовалъ опредѣленную цѣль, свобода есть способность вложить всю свою душу въ преслѣдованіе этой цѣли“ [1]). Это очень хорошо сказано и это очень похоже на Гегелевское „не хотѣть, ничего кромѣ себя“. Но когда человѣкъ „не хочетъ ничего, кромѣ себя“, тогда онъ совсѣмъ не фаталистъ; тогда онъ,—именно и только человѣкъ дѣйствія.

Кантіанство не философія борьбы, не философія людей дѣйствія. Это философія половинчатыхъ людей, философія компромиса.

Энгельсъ говоритъ, что средства для устраненія существующаго общественнаго зла должны быть открыты въ данныхъ матерьяльныхъ условіяхъ производства, а не придуманы тѣмъ или другимъ общественнымъ реформаторомъ. Штаммлеръ соглашается съ этимъ, но упрекаетъ Энгельса въ неясности мысли, такъ какъ вопросъ—то, по его мнѣнію, именно въ томъ и состоитъ „съ помощью какого метода должно быть сдѣлано это открытіе“ [1]). Это возраженіе, свидѣтельствующее лишь о неясности Штаммлеровой мысли, устраняется простымъ указаніемъ на то, что хотя характеръ „метода“ опредѣляется въ такихъ случаяхъ множествомъ разнообразнѣйшихъ „факторовъ“, но всѣ эти „факторы“ могутъ быть, въ концѣ концовъ, пріурочены къ ходу экономическаго развитія. Само появленіе теоріи Маркса обусловлено было развитіемъ капиталистическаго способа производства между тѣмъ какъ преобладаніе утопизма [2]) въ до-марксовскомъ соціализмѣ вполнѣ понятно въ такомъ обществѣ,

---

[1]) Тамъ же стр. 97—98.

[2]) Handwörterbuch, IV B., S, 736.

которое страдало не только отъ развитія указаннаго способа производства, но также—и едва-ли не больше того—отъ недостатка этого развитія.

Распространяться объ этомъ излишне. Но, можетъ быть, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы, заканчивая эту статью, обратимъ его вниманіе на то, какъ тѣсно связанъ тактическій „методъ" Маркса и Энгельса съ основными—положеніями ихъ исторической теоріи.

Мы уже знаемъ, что согласно этой теоріи, человѣчество всегда ставитъ себѣ только разрѣшимыя задачи, „ибо... самая задача является лишь тамъ, гдѣ матерьяльныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія". Но тамъ, гдѣ эти условія уже существуютъ, положеніе дѣлъ совсѣмъ не таково, какъ тамъ, гдѣ они только еще „находятся въ процессѣ своего возникновенія". Въ первомъ случаѣ уже наступило время для „скачка", во второмъ—„скачекъ" остается пока дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, „конечной цѣлью", приближеніе которой подготовляется рядомъ „постепенныхъ измѣненій" во взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ классовъ. Какова же должна быть роль новаторовъ въ ту эпоху, когда „скачекъ" еще невозможенъ? Очевидно, имъ остается содѣйствовать „постепеннымъ измѣненіемъ" т. е. говоря иначе, они должны добиваться реформъ. Такимъ образомъ находятъ себѣ мѣсто какъ „конечная цѣль", такъ и реформы, и самое противопоставленіе реформы „конечной цѣли" лишается всякаго смысла отступаетъ въ область утопическихъ преданій. Кто бы ни дѣлалъ такое противопоставленіе,—нѣмец-

кій „ревизіонистъ“ въ родѣ Эд. Бернштейна, или итальянскій „революціонный“ синдикалистъ“ въ родѣ тѣхъ, которые засѣдали на послѣднемъ синдикалистскомъ конгресѣ въ Феррарѣ,—онъ въ одинаковой мѣрѣ показываетъ свою неспособность понять духъ и методъ современнаго научнаго соціализма. Это полезно запомнились теперь, когда и реформизмъ, и синдикализмъ позволяютъ себѣ говорить во имя Маркса.

И какимъ здоровымъ оптимизмомъ вѣетъ отъ этихъ словъ: „человѣчество всегда ставитъ себѣ только разрѣшимыя задачи“! Они не означаютъ, конечно, что хорошо каждое рѣшеніе великихъ задачъ человѣчества, предлагаемое первымъ встрѣчнымъ утопистомъ, Иное дѣло утопистъ, а иное дѣло „человѣчество“ или, точнѣе, общественный классъ, представляющій въ данное время великіе интересы человѣчества. Тотъ же Марксъ очень хорошо сказалъ: „чѣмъ глубже захватывается жизнь даннымъ историческимъ дѣйствіемъ, тѣмъ болѣе ростутъ размѣры массы, совершающей это дѣйствіе“. Этимъ окончательно осуждается утопическое отношеніе къ великимъ историческимъ задачамъ. И если Марксъ все-таки думалъ, что человѣчество не ставитъ себѣ неразрѣшимыхъ задачъ, то съ теоретической стороны эти его слова представляютъ собою лишь новое выраженіе мысли объ единствѣ субъекта и объекта въ ея приложеніи къ процессу историческаго развитія, а со стороны практической, они выражаютъ ту спокойную, мужественную вѣру въ достиженіе „конечной цѣли“, которая заставила когда-то нашего незабвеннаго Н. Г. Чернышевскаго горячо воскликнуть:

„Пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ“.

Г. Плехановъ.